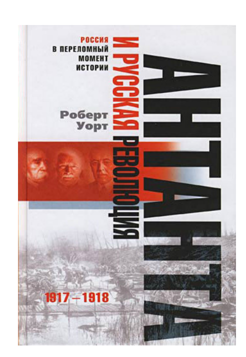

РОССИЯ
В ПЕРЕЛОМНЫЙ
МОМЕНТ
ИСТОРИИ
Роберт
Уорт
АНТАНТА
И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 – 1918

Роберт Уорт

Антанта и русская революция. 1917-1918

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617205
Антанта и русская революция. 1917–1918: Центрполиграф; М.:; 2006
ISBN 5-9524-2511-9

Аннотация

Роберт Уорт знакомит читательскую аудиторию с историей дипломатии в начальный период русской революции. Он рассказывает о том, как строились отношения России с союзниками по Антанте и как воспринималась на Западе политическая и общественная жизнь России между Февральской и Октябрьской революциями. Автор передает те положения, которые закрепились в исторической науке на Западе, щедро цитирует многочисленные авторитетные свидетельства и периодику того времени. Уорт вносит ясность в вопрос о том, по каким причинам началась контрреволюционная интервенция и страны Антанты из союзников России превратились в ее врагов.

Содержание

Роберт Уорт
Антанта и русская революция. 1917—1918

Предисловие

Настоящая книга является первой попыткой рассказать о том аспекте истории дипломатии в начальный период русской революции, который касается взаимоотношений России с другими государствами-союзниками по Антанте. Но речь здесь будет вестись не только о дипломатических переговорах – в противовес работам историков дипломатии в прошлом, которые добровольно возлагали на себя такое ограничение. Я пытался провести более глубокое и широкое изучение данного вопроса, но до тех пор, пока архивы Британии, Франции и России остаются закрытыми, историки не имеют доступа ко всему объему хранящихся там документов. Однако представляется существенным отметить, что крайне маловероятно, чтобы появление новых документов способно было внести кардинальные изменения в основную картину этих взаимоотношений. Исторические события вообще допускают различную интерпретацию, и вполне естественно, что многие читатели не согласятся с моим толкованием. Тем не менее я стремился изложить исторические события как можно более полно и беспристрастно, и, хотя пока по данной теме еще не производились систематические исследования с целью сформулировать какие-либо конкретные тезисы и выводы, думается, события и факты, изложенные в книге, невольно наводят на некоторые умозаключения. В качестве примера, возможно, стоит сделать основной вывод: политика и дипломатия союзников в интересующие нас годы исходила почти из полного непонимания сил и событий русской революции. Союзники – как и Центральные государства[1] – больше и прежде всего были заинтересованы в успехах военных действий, но провозглашенные ими идеалы, за которые они якобы и вступили в смертельную схватку с Германией, никогда более ярко не противоречили действительности, чем в проводимой ими политике по отношению к России, как демократической, так и большевистской.

Роберт А. Уорт

Ньюарк, Нью-Джерси

---

[1] Центральными государствами автор называет противников Антанты: Германию, Австро-Венгрию и пр. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Глава 1
Царская Россия и мировая война

Война 1914—1918 годов нанесла ощутимый удар по либеральным идеалам XIX века – не подвергающейся сомнениям вере в свободный рынок, в свободу людей и в способность совершенствования человечества. Из этой войны возникла русская революция – событие столь огромного исторического значения, что оно еще до сих пор не осмыслено в полной мере даже теми, кто изучает и преподает историю. Знакомство с учебниками по истории Европы приводит к любопытному выводу, что в них, за очень немногими исключениями, гораздо больше внимания уделяется описанию сражений и военных кампаний периода Первой мировой войны, чем событиям русской революции.

Как убийство в Сараеве наследника австро-венгерского престола было лишь непосредственным и не основным поводом для войны, так и сдвиг настроений в России в сторону революции начался задолго до полного истощения царской династии, что в 1917 году привело к ее окончательному крушению и к победе большевиков. Несокрушимая мощь германской армии обнажила прогнившую социальную структуру России, на которой держался старый режим, и ускорила его неизбежную гибель. Рискованная иностранная политика, проводимая Николаем II во время своего злосчастного правления, некоторыми недоброжелательными критиками интерпретировалась в основном как попытка предотвратить усиление революционных настроений. Возможно, именно с этой целью и был затеян русско-японский конфликт 1904 года, но он принес России только революцию 1905 года, которая могла бы стать крахом царской династии, если бы она вовремя не пошла на некоторые уступки.

Первые месяцы мировой войны, казалось, подтверждали мысль, что «маленькая победоносная война» действительно была средством, необходимым для восстановления жизнеспособности и престижа царского режима. Но поскольку она оказалась отнюдь не маленькой и не победоносной, в первой половине 1914 года появились зловещие признаки угрозы, которую могли предотвратить только война или кардинальные реформы. Революционный дух, затихший почти на десять лет, вновь ожил, выразившись в волне политических забастовок. В июле для подавления всеобщей забастовки были вызваны войска. В столице возводились баррикады и шли уличные бои. Серьезный характер волнений был несколько затушеван визитом доброй воли президента Французской республики Раймона Пуанкаре, который стремился укрепить союз с Россией. Хотя беспорядки в основном ограничивались городами, казалось, ситуация стремительно приближалась к той, которая охватила Россию в 1905 году.

Объявление Германией 1 августа 1914 года[2] войны вызвало в России взрыв народного патриотизма, против которого открыто высказывались только социал-демократы. Их политические взгляды были основаны на принципах марксистского социализма, и с 1903 года они раскололись на две фракции: большевиков, под руководством Владимира Ильича Ленина, и меньшевиков, под руководством Георгия Плеханова и Юлия Маркова. В 1912 году раскол стал окончательным, и в результате появились две разные партии, каждая из которых считала себя подлинной наследницей учения о социализме, изложенного в сочинениях Карла Маркса. Обе партии выразили войне неодобрение – что составляло примечательный контраст по сравнению с позицией социалистов остальных воюющих на стороне Антанты стран, – проголосовав против войны на специальной сессии Думы 8 августа 1914 года. Однако вскоре стало очевидно, что только большевики выступают против войны, которую они называли «капиталистической» и «империалистической», и что меньшевики решили

[2] 19 июля 1914 г. по старому русскому календарю. В книге всюду использован новый стиль летоисчисления.

пойти по пути оппортунизма, поддержав войну как «оборонительную» по характеру. Большевики поплатились за свою непримиримую позицию, когда 18 ноября того же года пятеро их представителей в Думе были арестованы и затем сосланы в Сибирь.

Помимо большевиков другой единственной значительной группой в России, про которую можно было сказать, что ей недоставало энтузиазма по отношению к войне (открыто они никогда против нее не высказывались), были крайние правые. Союзу с демократической Францией они предпочитали альянс с монархической Германией. Но насущные требования международной политики были важнее вопросов идеологии, и им пришлось по мере сил примириться и с союзнической системой, и с войной. Однако по мере того, как война поворачивалась к России все более черной стороной, в обществе усиливались слухи о прогерманских настроениях в верхах. Хотя в большинстве случаев эти слухи были необоснованными, они получили широкое хождение и были связаны со скандальными рассказами, которые ходили об императрице и ее пресловутом советнике, религиозном шарлатане Григории Распутине.

Естественно, эти слухи тревожили союзников России и ту небольшую часть русского общества, которая по своим взглядам ближе всего была к верхним слоям среднего класса западных демократов. Давние приверженцы английского и французского парламентаризма, они громче всех заявляли о своей поддержке войны, при этом сочетая патриотические и политические чувства таким образом, что это отвергалось реакционерами. Признанным лидером этой группы был известный ученый и историк Павел Николаевич Милюков, а его партия называлась «конституционные демократы» (кадеты). На взгляд стойких приверженцев царской династии, кадеты были революционерами, но фактически их политические устремления простирались не дальше либерализации существующего режима, возможность чего, как они полагали, значительно увеличивалась участием в войне наравне с другими союзными державами. Однако время шло, а надежды не осуществлялись – и так до тех пор, пока время для реформ не было безнадежно упущено; затем стремительно развивающиеся события вместе с остатками монархии смели и «революционных» кадетов.

Русская армия была грозной по численности, но во всех остальных отношениях оставалась гораздо слабее армий Германии, Англии и Франции. Во время войны было мобилизовано более четырнадцати миллионов человек, что не могло не подорвать экономику страны. Недостаток ружей, амуниции, боеприпасов и другого военного снаряжения; недостаточно развитая транспортная система; нехватка докторов, медсестер и медицинских материалов и некомпетентность большого числа военных командиров – все это проявилось уже в первые несколько месяцев войны. Если бы главные военные силы Германии были направлены на Россию, а не на Францию, то в 1914 году она потерпела бы настоящий крах. Но стратегией германского высшего командования предусматривался стремительный удар на Запад – план, который мог принести ей большой успех, если бы наступление России в Восточной Пруссии не вынудило Германию перебросить на Восточный фронт две армии. Они прибыли слишком поздно, чтобы помочь сокрушить русских у Таннерберга (30 августа), но ослабили наступательную силу на Западе, и отчасти в результате этого французы смогли выиграть решающую битву при Марне (6—12 сентября) и предотвратить захват Парижа.

Наступление русских было предпринято только после неоднократных просьб Франции, послу которой в Петрограде Морису Палеологу суждено было всю войну заниматься просьбами о помощи. Огромные и частые денежные займы, которые Франция предоставляла своей верной союзнице, послужили основной причиной некоторого усовершенствования российской армии, и кредиторы не намеревались позволить России забыть об этом. Французские генералы цинично видели в безграмотных и обычно покорных русских солдатах, набранных из крестьянского сословия, лишь превосходное пушечное мясо, а ее невероятная численность возродила легенду о «непреодолимой русской силе». Многие русские

знали об этом и, хотя зачастую великодушно отзывались на мольбы о помощи, предпочитали получать займы, но ограничивать свои наступательные операции более слабым австрийским фронтом. У Британии была возможность вести подобные дела с большим тактом. Ее посол сэр Джордж Бьюкенен, блестящий дипломат старой школы, пользовался в России огромным доверием, к тому же на его долю не выпадали такие неприятные поручения, как на долю его французского коллеги. Несмотря на свой крайний консерватизм, Бьюкенен был также очень популярен среди кадетских лидеров и членов Думы, тогда как Палеолог отличался социальным снобизмом, предпочитая общество консервативных аристократов.

Для России события 1915 года имели более злосчастные последствия, чем события предыдущего года. Успешное наступление против Австрии на Юго-Западном фронте внезапно оборвалось. Тогда на помощь своей союзнице пришла Германия. Их объединенное наступление началось 1 мая 1915 года, в результате чего российские войска были изгнаны из Галиции и вынуждены были отступить по всему фронту протяженностью тысяча триста километров. В течение всего лета длилось отступление, и потери приближались к ужасающей цифре в триста тысяч человек ежемесячно. Этими потерями российская армия была обязана как недостатку вооружения, так и другим факторам Дэвид Ллойд Джордж, который в 1916 году стал премьер-министром Британии, позднее резко отзывался о грубых промахах военной стратегии союзников, когда безуспешные атаки пехоты поглощали огромные количества боеприпасов, которым можно было найти лучшее применение на русском фронте. «Если бы мы отправили в Россию половину боеприпасов, израсходованных в этих злосчастных сражениях, и одну пятую часть количества винтовок, которые там были использованы, – упрекал он, – можно было не только предотвратить поражение России, но и Германии пришлось бы испытать такой отпор, по сравнению с которым захват нескольких километров территории Франции, политых кровью, показался бы смешным».

Обвинение Ллойд Джорджа, хотя и предъявлено с точки зрения ретроспективы, в точности описывает скупость британской и французской поддержки их русскому союзнику. В современной войне человеческая плоть, безусловно, была неадекватной заменой механической силы. Но даже если бы все необходимое военное снаряжение и было предоставлено своевременно, его невозможно было бы использовать надлежащим образом без особой внешней помощи крайне разветвленной и запутанной транспортной системы России, которая была совершенно непригодна для обслуживания форс-мажорных ситуаций. Финансовая помощь со стороны союзников составляла: за время войны Британия предоставила займы на сумму 2 миллиарда 766 миллионов американских долларов, тогда как Франция выделила относительно меньшую сумму – 762 миллиона американских долларов. Соединенные Штаты, Япония и Италия также предоставили займы на значительно меньшие суммы. И хотя лишь часть этих займов была использована на закупки, по крайней мере, Россия не оказалась без финансовых средств для оплаты любых материалов, которые могла бы купить за границей. Обладающая крупным морским флотом Британия перевезла большую часть военных материалов, поставленных европейскими союзными государствами, тогда как русские и нейтральные суда в основном занимались поставками из Соединенных Штатов. Турецкие проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты, поэтому почти все закупленное в Европе доставлялось в порты Белого моря, из которых во время летней навигации самым важным был Архангельск. Поставки через Владивосток, чьи портовые возможности были не очень велики, еще более затруднялись ограниченной пропускной способностью Транссибирской железной дороги, по которой товары доставлялись с побережья Тихого океана в европейскую часть России с огромной задержкой. В 1917 году в этот дальневосточный порт стали в значительных количествах стекаться поставки японских и американских военных материалов и к середине лета из-за недостатка транспорта застряли в доках. За время зимы 1916/17 года военные потребности России, казалось, начали наконец удовлетворяться, но

было слишком поздно, поскольку по-прежнему внешне внушительная ее армия уже перестала существовать как эффективная военная сила.

Искренне стремясь добиться военных успехов России в общем деле борьбы с германским агрессором и не подозревая о будущем армии и всей империи, 5 сентября 1915 года царь принял на себя Верховное командование от своего дяди, великого князя Николая – шаг, к которому его настойчиво подталкивала императрица. Военный опыт нового Верховного главнокомандующего в основном ограничивался парадами. В обществе имела широкое распространение шутка о том, что его главным вкладом в обеспечение победы в Русско-японской войне было снабжение войск иконами за счет государственной казны. Царь предпринял этот шаг вопреки единодушным советам его министров, которые понимали, что в глазах народа он станет виновным в будущих военных поражениях, даже если он и не принимал бы участия в разработке реальных стратегических планов. Правительства союзнических стран также были огорчены этой новостью, но от открытых возражений воздержались. 16 сентября 1915 года была распущена Дума – еще один промах, который немедленно вызвал политическую забастовку в Петрограде. Эти инциденты отметили поворотный пункт судьбы правящей династии. Отныне неудовлетворенность общества верховной властью нарастала все больше, пока императорская супружеская чета не оказалась изолированной от остального населения страны.

1915 год также стал свидетелем заключения первых из многих секретных договоров, которые в последующие годы стали для союзнических государств серьезной проблемой. О существовании этих договоров стало известно только после того, как большевики в 1917 году обнаружили их в государственных архивах и опубликовали в газетах. Один из них, который имел для России самое важное значение, касался Константинополя и турецких проливов. С XVII века Россия искала выход в теплые воды Средиземного моря. С этой целью она предприняла несколько войн, но ее всегда останавливали превосходящие силы, что наиболее ярко проявилось в Крымской войне (1854—1856 годов), когда она потерпела поражение от Англии и Франции. В марте 1915 года переговоры между министром иностранных дел России и послами союзников заложили основу соглашения за счет Турции. Россия получала Константинополь и вожделенные проливы, тогда как Британии и Франции предоставлялись сферы влияния в Персии (ныне Иран) и в других районах Ближнего Востока. В апреле уговорили вступить в войну на стороне союзников Италию, пообещав ей австрийские территории. Другие подобные сделки, в которых участвовала Россия и большинство из которых было заключено в 1916 году, касались подкупа Румынии Турцией за ее вступление в войну, а также русско-японский договор по Китаю. Последний из всех тайных договоров, заключенный незадолго до отречения царя, предоставлял России свободу в определении ее западных границ в обмен на поддержку французских притязаний на земли вдоль Рейна.

Отсутствие в столице царя, который отправился в зону военных действий, дало простор интригам на домашнем фронте, где безраздельно правили императрица и Распутин. Далеко не выдающийся ум Николая и его слабоволие отступали перед властностью супруги. Ее ежедневные письма к супругу, полные признаний в любви и различных советов, изобличают натуру ограниченную, с экстравагантными и довольно невежественными понятиями, пренебрежительно относившуюся ко всему, что касалось благополучия страны, и полагавшуюся исключительно на советы безграмотного развратника Распутина. Всем было известно о его дебошах, но, несмотря на неоспоримые доказательства порочности этого человека, императрица продолжала неукоснительно доверять ему из-за его кажущейся способности лечить ее сына и наследника трона Алексея, больного гемофилией. Императрица была особой крайне невротического склада, и по своей силе ее привязанность к Распутину носила явно патологический характер. Как говорил один из премьер-министров этого времени (И.Л. Горемыкин), это был «клинический вопрос». Распутин приобрел столь огром-

ное влияние на императрицу, что любой министр, который осмеливался высказаться против него, оказывался в опаснейшем положении, а его прихожую постоянно заполняли завистливые искатели судьбы и льстецы. «Министерская чехарда», как стали называть быстро сменяющие друг друга назначения среди членов кабинета, привела к тому, что высшие посты благодаря своей близости и преданности придворной камарилье стали занимать откровенные бездарности. Самым вопиющим примером, поскольку он касался поста премьер-министра, стало выдвижение некомпетентного реакционера Бориса В. Штюрмера, который возглавил кабинет министров в феврале 1916 года. Он был тайным противником войны и, предположительно, симпатизировал немцам, поэтому его назначение крайне возмутило союзников. Антивоенное настроение Распутина также воспринималось как убедительное доказательство его прогерманских симпатий – в чем обвиняли и Ленина, который придерживался политических убеждений, совершенно противоположных взглядам Распутина, – а самые пылкие патриоты считали его германским шпионом. Французский посол говорит, что в отчаянии подумывал о целесообразности подкупа Распутина союзниками, но отверг идею как слишком рискованную.

Какими бы сомнительными ни были политические перспективы России, ее военное положение в 1916 году несколько улучшилось. Поскольку Германия была занята Западным фронтом, а Австрию тревожила итальянская армия, на Восточном фронте царило относительное спокойствие. Увеличение количества боеприпасов, финансовая помощь союзников и подъем военного производства на отечественных заводах помогли преодолеть хронические недостатки, которые досаждали российской армии. В июне было предпринято наступление на Австрию под командованием талантливого генерала Алексея Брусилова. В начале кампании были достигнуты некоторые впечатляющие успехи, и в течение лета русские войска постоянно продвигались вперед. Но эти успехи были достигнуты только благодаря огромным человеческим жертвам, и вскоре обозначился резкий спад боевого духа армии, когда количество дезертиров достигло ужасающих цифр – к ноябрю оно составляло уже миллион солдат. В австрийской армии дезертирство также достигло внушительных размеров, и наступление русских удалось остановить лишь благодаря поддержке германских войсковых соединений. К осени русские были уже остановлены по всему фронту, а на некоторых участках их даже потеснили назад. И хотя русская армия разочаровала Францию, не сумев произвести наступление против Германии всем фронтом, – что почти наверняка привело бы к катастрофе, – ее действия спасли от уничтожения и сохранили для союзников итальянскую армию. Этот результат казался таким обнадеживающим, что собравшиеся на встречу в ноябре 1916 года военные стратеги союзников оптимистично призывали Россию произвести весной полномасштабное наступление, одновременно с планирующимся нападением франко-британских войск на Западном фронте.

Возрождение престижа России в 1916 году было очень важным, поскольку ее скромные успехи на полях сражений скрывали растущие политические трудности. Обмен миссиями доброй воли в течение года также помогал замаскировать серьезное положение дел. В феврале делегация из шести русских журналистов объехала Англию и Францию. В обеих странах им был оказан теплый прием, сопровождающийся речами, банкетами и осмотром войск. Предложенная в обмен идея визита английских журналистов наконец преодолела возражения со стороны российского правительства и была одобрена, но затем британский посол в России посоветовал отменить визит по политическим соображениям. Если бы об этом инциденте стало известно, он мог бы свести на нет результаты визита русских и укрепить доверие к начавшим циркулировать в странах-союзницах смутным слухам о внутренней обстановке в России.

В мае последовал еще один визит русских в Англию, но более официальный по характеру, поскольку в приглашение были включены десять членов Думы и десять членов Импе-

раторского совета. Члены Думы с готовностью приняли приглашение, но из консервативного Совета только семь особ согласились на эту поездку. Сначала эта группа посетила Англию и Шотландию, где в их честь были даны множество приемов с демонстрацией преувеличенно дружеских чувств. Они получили официальное приглашение на банкет, который устраивал премьер-министр Герберт Асквит. На речь Асквита было поручено ответить барону Роману Розену, бывшему послу в Соединенных Штатах и старшему члену Императорского совета, что вызвало недовольство нескольких членов делегации. Розен был настолько оскорблен этим инцидентом, во время которого ему пришлось выслушать оскорбительные замечания относительно его немецкого имени и происхождения, что отказался продолжить с делегацией дальнейшую поездку и проследовать на континент.

Во Франции делегаты имели возможность посетить участок фронта и получили отличные впечатления от военных усилий Франции. Кроме того, они осмотрели контингент российских войск, находившихся на учениях в Майи и представляющих собой авангард из двух бригад, которые позже сражались на Западном фронте. Воспользовавшись случаем, семь членов Думы подвергли критике Мориса Палеолога как слабого представителя Франции в России. Несомненно, это было результатом широко известной любви посла к придворной жизни, которую он предпочитал общению с более плебейскими кругами Думы. Из-за отсутствия хорошей замены Палеологу было решено оставить его на посту; позже он не был отозван из-за происшедшей в России революции. Посетив военные заводы и передний край фронта в Италии, делегация вернулась в Россию с блестящими отчетами о том, что удалось увидеть в странах союзников.

На обратном пути произошел инцидент, совершенно не относящийся к деятельности делегации и приобретший весьма дурной привкус. В Стокгольме Александр Протопопов, вице-председатель Думы, встретился с известным германским финансистом и получил от него предложение заключить мир между Россией и Германией. Это был не первый и не последний пример утечки информации, касающейся переговоров о сепаратном мире, в которых была замешана Россия. Весной 1915 года бывшая наперсница императрицы Мария Васильчикова, которая была интернирована в Австрию еще в начале войны, написала первую серию писем царю, целью которых было заложить основы для мирных переговоров. Перед этим с ней общались персоны, близкие к придворным кругам Берлина и Вены, а затем у нее состоялась беседа с министром иностранных дел Германии. Несмотря на отсутствие ответа из России, в том же году ей разрешили приехать в Петроград, где она даже удостоилась приема царя; но чтобы погасить открытый скандал, вызванный ее амбициозными, хотя и любительскими попытками в дипломатии, она укрылась в имении своей сестры под Черниговом. Одновременно с деятельностью Васильчиковой предпринимались еще некоторые шаги в этом направлении, среди которых особенно примечательными были безуспешная попытка брата императрицы, великого князя Гессе, который пытался уговорить царя послать своего эмиссара в Стокгольм, и столь же неудачная попытка личного представителя датского короля вовлечь русское правительство в переговоры о мире. Не увенчавшиеся успехом попытки «зондирования почвы для мира» – среди прочего – наконец убедили Центральные государства, что Россию невозможно изолировать от ее союзников. Но легко понять озабоченность Британии и Франции, время от времени сталкивающихся с зачастую подтасованными сведениями о закулисных переговорах о мире, тем более что по времени они совпадали с еще более искаженными россказнями о предательстве и политическом хаосе в высших эшелонах власти, которые провоцируются кликой Распутина.

Отчасти с целью положить конец неуверенности относительно серьезного отношения к участию России в войне великий военный герой Британии лорд Герберт Китченер, занимавший в это время пост военного министра, отправился с секретной миссией в Петроград. Еще в мае 1916 года Китченер сообщил российскому послу о своем желании посетить Рос-

сию, если ему направят официальное приглашение. Царь с готовностью пригласил его произвести тщательное изучение военного положения России и просил свободно поделиться своими рекомендациями по его улучшению. 5 июня Китченер с группой сопровождающих лиц отплыл в Архангельск, но в тот же вечер недалеко от шведского берега его корабль подорвался на мине и через десять минут затонул. Удалось спастись лишь нескольким членам его делегации. Смерть Китченера потрясла британцев, а его авторитет был столь высоким, что позднее многие полагали: если бы он смог убедить царя провести некоторые необходимые реформы, то в 1917 году можно было бы предотвратить революцию и выиграть войну. Но это убеждение скорее было основано на преклонении перед героем войны и наивном представлении о причинах развития исторических событий, чем на понимании российской действительности. О том сопротивлении, которое он мог встретить, можно судить по замечанию Распутина, переданному императрицей своему царственному супругу: «Для нас хорошо, что Китченер погиб, потому что иначе он мог был навредить России». Было предложено послать вместо Китченера генерала сэра Уильяма Робертсона, начальника штаба, но он сослался на долг, который призывал его оставаться в Британии.

В заключение серии обменных визитов весной 1916 года в Россию прибыла французская миссия, в то время как делегация Думы навещала западных союзников. Цель этой миссии была такой же, как миссии Китченера, но, поскольку ее возглавляли не военные, а два члена кабинета министров, Рене Вивиани и Альбер Тома, она скорее имела характер миссии солидарности. Многие из высших чиновников, казалось, ожидали прибытия последнего с нескрываемым страхом. Социалист патриотических убеждений, имеющий репутацию жесткого делового человека, Альбер Тома явно оправдал их опасения. Он нашел множество поводов для критики и не замедлил ее высказать. «Россия должна быть очень богатой страной, чтобы позволить себе роскошь содержать такое правительство, как ваше, – иронически заметил Тома одному из чиновников, – потому что ваш премьер-министр – это несчастье, а военный министр – настоящая катастрофа!»

Отдавая должное пышным приемам, француз тем не менее затрачивал много сил для выполнения одной из главных целей своего визита: пополнение русскими солдатами истощенной французской армии. В декабре прошлого года этот вопрос уже поднимался делегацией во главе с Полем Думером, членом французского сената. Он просил четыреста тысяч человек, которых направляли бы партиями по сорок тысяч в месяц на протяжении десяти месяцев. Русским не нравилась идея возмещать своими солдатами потери французских вместо того, чтобы отправить на Западный фронт отдельную армейскую единицу, а подразумевающийся под этой просьбой смысл о поставках пушечного мяса вызвал их естественное возмущение. Путем затягивания переговоров они старались избежать прямого отказа и пообещали в качестве эксперимента прислать одну бригаду. В марте, когда бригада уже направлялась во Францию, этот вопрос был заново поднят через русского посла в Париже. Тот передал просьбу французов послать четыреста тысяч солдат в греческие Салоники, где у союзников размещался плацдарм, чтобы возместить потери среди французских колониальных войск, а затем еще двести тысяч – в Румынию для наступления на Болгарию. Но им была предложена только одна бригада для Салоник; понятно, французов это не могло удовлетворить. Вивиани и Тома было дано незавидное задание убедить российских генералов изменить свое решение. На совещании, где присутствовал сам царь и его военные советники, Вивиани изложил просьбу прислать огромное количество войск, первоначально запрошенных Думером. В конце концов Николай согласился послать пять бригад (пятьдесят тысяч солдат) во Францию за период от 15 августа до 15 декабря, в дополнение к первой, которая отправилась в марте, и ко второй, которая должна была отправиться в Салоники 15 июня. И хотя эти цифры были далеки от тех, которые запрашивались, можно было считать, что французская миссия справилась с поручением. И 17 мая оба министра покинули страну через

Архангельск. В конце августа бригада, предназначенная для отправки в Салоники и находившаяся тогда в Марселе, подняла мятеж; солдаты убили командира в чине полковника и ранили нескольких офицеров. Для подавления мятежа были вызваны французские войска, и около двадцати мятежников были казнены. Палеологу напомнили о предостережении Сергея Сазонова, министра иностранных дел, который сказал: «Когда российский солдат находится за пределами родины, он бесполезен; он сразу рассыпается». Этот инцидент оказался дурным предзнаменованием для судьбы оставшихся на французской земле русских военных соединений.

Обмен миссиями в 1916 году не смог изменить самоубийственную политику династии, где, выражаясь на принятом в то время языке, по-прежнему правили «темные силы». В июле Сазонов вынужден был сложить с себя полномочия, и его портфель был передан Штюрмеру, который сохранил за собой и пост премьер-министра. Возражения со стороны британского и французского послов были оставлены царем без внимания. Неудовлетворенность масс постепенно возрастала, и в придворных кругах можно было слышать о дворцовом перевороте – сначала разговоры велись тихо, но со временем об этом заговорили все громче и настойчивее. Недостаток продуктов в городах стал привычным явлением, и к октябрю стоимость жизни в них подскочила в триста раз по сравнению с предыдущим периодом. На заводах, фабриках и среди тыловых солдат стала распространяться пораженческая пропаганда. Стачка петроградских рабочих, которая произошла 29 октября, достигла такого размаха, что для ее подавления была вызвана полиция и два гарнизонных полка. Войска отказались стрелять в забастовщиков и повернули винтовки против полиции. В конце концов четыре полка казаков загнали мятежников в казармы. Если верить Палеологу, наказание было жестоким: 9 ноября были расстреляны сто пятьдесят солдат, и как только об этом стало известно в рабочих районах, стачки возобновились.

14 ноября вновь была созвана Дума, которая создала платформу для критики правительства. Обычно объектом нападения служили министры, но не сама династия, поскольку даже «прогрессивный» блок не имел ни малейшего желания во время войны усиливать революционные настроения. Однако во время сессии лидер кадетов Милюков прозрачно намекнул на поведение императрицы в речи, в основном посвященной бесчестным поступкам Штюрмера, из которой знаменитая фраза «что это – глупость или предательство?» приобрела широкое хождение как приговор, как призыв к свержению существующего режима. 2 декабря с такой же смелой речью выступил Владимир Пуришкевич, преданный монархист, открыто назвавший источником проблем Распутина. Дума приветствовала его выразительное нападение громом аплодисментов и, желая продемонстрировать свой патриотический энтузиазм, устроила новую овацию послам союзнических держав. Американский посол Дэвид Р. Фрэнсис, тоже находившийся в дипломатической ложе и не понимавший русского, позабавил своих коллег, раскланиваясь налево и направо перед обращенными к ложе лицами думцев, решив, что эта овация в честь Соединенных Штатов. Бедный Фрэнсис был крайне смущен, когда британский посол с самым бесстрастным видом сказал, что немедленно информирует министерство иностранных дел его страны, что Америка присоединилась к союзникам.

Пуришкевич не замедлил подтвердить свои слова делом. С помощью трех заговорщиков, из которых самым важным являлся князь Феликс Юсупов, выдающаяся фигура в придворных кругах, он начал составлять план убийства Распутина. Деяние было осуществлено на рассвете 30 декабря, причем весьма неуклюже и с огромными трудностями, ибо для уничтожения выносливого фаворита двора пришлось использовать и яд, и пули, и удары по голове, и утопление. За исключением узкого кружка камарильи императрицы, вся страна с радостью встретила известие о его смерти. Особенно высшие классы общества, в которых распространилось мнение, что очищенная от Распутина династия каким-то образом окреп-

нет и снова обретет доверие народа. Но в данном случае вряд ли можно было этого ожидать. Крестьянам и солдатам произошедшее представлялось слишком отдаленным от их насущных интересов и лишь на время привлекло их внимание. Для правящей четы убийство Распутина было ударом по их авторитету и престижу и одновременно личной утратой, вследствие чего она еще меньше склонялась к каким-либо послаблениям режима.

Царь постоянно получал предостережения, что его политика ведет страну к гибели, но они производили на него мало впечатления, если не сказать, что вообще никакого. 12 января 1917 года Бьюкенен, британский посол, испросил аудиенцию у Николая, намереваясь обрисовать серьезность положения вещей, даже если это превысит границы дипломатического этикета. Вместо того чтобы быть принятым в неформальной обстановке личного кабинета Николая, как тот обычно делал, на этот раз посол был вынужден ожидать появления царя в зале для приемов. Этот ясный признак неодобрения едва не выбил почву из-под ног Бьюкенена, но он сумел твердо держаться своего намерения и откровенно высказал царю мнение о его ошибочной политике. Он указал на некомпетентность администрации, на продовольственный кризис, на частую смену министров и на растущую опасность революции. В заключение он предупредил, что династия находится на развилке исторического пути: «У вас есть возможность выбрать одну из двух дорог. Одна приведет вас к победе и к славному миру, а вторая – к революции и к катастрофе». Николай поблагодарил его, внешне благосклонно восприняв критику; но, как всегда, когда его вынуждали признать неприятную правду, скорее он испытывал раздражение. Императрица, которая, очевидно, слышала весь разговор, находясь в соседней комнате, реагировала более откровенно, составив впечатление – и, видимо, сумев убедить в нем и царя, – что посол задумал переворот с целью возвести на трон одного из великих князей. Это странное подозрение стало основой для дальнейших утверждений защитников династии, что ответственность за революцию, которая разразилась через два месяца, целиком лежит на Бьюкенене. Министр внутренних дел порекомендовал установить слежку за британским посольством, а императрица предложила, чтобы посол был отозван. Но Николай запретил принимать столь решительные меры, не желая обнаружить свое недоверие представителю союзнической страны.

В конце января 1917 года в Петрограде состоялась давно откладываемая конференция союзников, самое крупное и блестящее собрание из тех, что проводились в военное время. Во время беседы с царем Бьюкенен говорил о перспективах войны в самом пессимистичном тоне, и будущее показало поразительную точность его предсказаний. «В истории великих войн редко встречается такое явление, когда столь большое количество ответственных министров и генералов решились покинуть свои страны по делу, оказавшемуся столь бесполезным», – откомментировал событие Брюс Локарт, тогдашний вице-консул Британии в Москве. Британскую делегацию возглавлял лорд Альфред Милнер, член Специального военного кабинета, с генералом сэром Генри Вильсоном и еще пятью генералами в качестве военных советников. Франция прислала Гастона Думерга, министра колоний, и генерала Эдуарда Кастельно, возглавлявшего ставку, приехали и представители таких менее влиятельных государств, как Италия и Румыния. Члены делегации тщательно отбирались в надежде, что более внушительная делегация будет иметь больше шансов на успех. Дата конференции несколько раз переносилась по просьбе российского правительства, чтобы дать ему возможность подавить революционные настроения. Когда стало невозможно и дальше откладывать проведение конференции, Дума, которая должна была собраться 23 января, отложила начало своей работы до 27 февраля, чтобы избежать открытых политических разногласий.

Все представители союзников, пятьдесят человек, отплыли из Англии и прибыли в столицу России 30 января 1917 года. После пленарного совещания, состоявшегося 1 февраля, конференция разбилась на несколько комитетов, которые должны были обсуждать

вопросы политики, финансов и транспорта, а также проблемы технического обеспечения армии, организации и стратегии. Армейские офицеры объезжали фронты, а гражданские чиновники и политики высказывались по поводу положения в стране. Бесконечная череда банкетов, завтраков и приемов создавала соответствующую торжественную и праздничную атмосферу и являлась средством помешать гостям серьезно обсудить те проблемы, которые, как всем было известно, были куда важнее мелких технических вопросов, рассмотрению которых делегаты посвящали столько времени. Но даже при этих, главным образом, добровольно принятых на себя светских обязанностях ни один из делегатов не попытался перешагнуть за рамки условности и поднять волнующие всех вопросы. Царь дал официальный прием, на котором вел себя с обычной безукоризненной любезностью, но упорно избегал затрагивать любые темы, кроме самых банальных. Трудно сказать, было ли это показной апатией или просто устранением от обсуждения сложных проблем, – качество, свойственное всем Романовым. Милнер, казалось, с самого начала потерял всю надежду и механически выполнял свой долг, не скрывая своего крайнего неодобрения. «Мы тратим время попусту!» – часто жаловался он. На одном из собраний он «демонстративно откинулся в кресле и громко застонал», когда направление дискуссии стало еще более безнадежным, вспоминал Родзянко. Только генерал Вильсон сохранял оптимистическое настроение, оживленно участвуя в торжествах.

Французскую делегацию, казалось, не столько тревожила перспектива революции, сколько обеспечение поддержки России ее территориальных претензий на предстоящей мирной конференции. В состоявшемся 3 февраля разговоре с царем Думерг добился необходимых гарантий на получение Францией территорий по левому берегу Рейна, о притязаниях на которые по полученной из Парижа инструкции Палеолог заявил в официальном письме российскому министру иностранных дел. Эти переговоры держались в секрете, и британское правительство ничего о них не знало, пока в ноябре того же года большевики не опубликовали этот факт в газетах. От французов решительно потребовали объяснения, и они прибегли к совершенно неубедительному, но безошибочно срабатывающему приему, заявив, что Думерг превысил данные ему полномочия. Конференция закончила свою работу 21 февраля 1917 года, и результаты ее были весьма ничтожные, если не считать оценки нужд российской армии и обмена мнениями по широкому кругу вопросов. Просьба делегатов о разрешении задержаться в Петрограде до очередного созыва Думы была отозвана, когда кто-то из придворных чинов по секрету признался, что если они останутся, то начало заседаний Думы придется отложить еще на две недели. Одного этого намека было достаточно, чтобы делегаты встревожились по поводу опасной политической ситуации в стране. Тем не менее даже явные признаки коррупции и дезорганизации, волнения и стачки в Петрограде, предупреждения лидеров Думы и различные планы смещения правящей четы, о которых открыто судачили в обществе, не смогли вызвать в членах миссий представление о неминуемо приближающейся революции. Исключение, возможно, составлял сэр Уолтер Лейтон, эксперт по военному снабжению, который выразил свое частное мнение, отличающееся от официального отчета. На удачное предсказание приближающейся революции претендовала также итальянская делегация, но веских доказательств, что их политическое предвидение оказалось основательнее прозорливости коллег из других стран, не существует. Милнер, который на протяжении всей работы конференции сохранял мрачное выражение лица, в своем докладе военному кабинету сообщил, что «в разговорах о революции было много преувеличений, и особенно относительно предполагаемой нелояльности армии». Думерг был еще более оптимистичен. «Я привез превосходные впечатления от поездки, – сообщил он корреспонденту газеты «Матен». – Из всех разговоров, которые я имел, и из всего, что я видел, ясно, что Россия единодушно настроена продолжать войну до полной победы».

Спустя два дня после отъезда миссии Милнера из Петрограда царь дал аудиенцию председателю Думы Михаилу Родзянко и услышал то, что должно было послужить ему последним предостережением. Холодная сдержанность, с которой обычно принимался председатель, на этот раз превратилась в ледяную. Николай равнодушно слушал доклад Родзянко о сложности политической обстановки в стране и наконец раздраженно его прервал: «Вы не могли бы побыстрее закончить с докладом? Меня ожидает к чаю великий князь Михаил Александрович». Родзянко торопливо дочитал доклад и закончил следующим: «Считаю своим долгом, ваше величество, выразить вам мои глубочайшие опасения и убеждение, что этот мой доклад вам будет последним». Николай поинтересовался, почему он так считает. «Потому что Дума будет распущена, – последовал ответ, – а курс правительства не предвещает ничего хорошего… Вы, ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-прежнему. Последствиями этого, по моему убеждению, станет революция и анархия, которую никто не будет в силах обуздать». Николай на это ничего не ответил и лишь коротко простился с Родзянко.

Дума собралась через четыре дня, когда на улицы Петрограда вышли бастующие рабочие, в основном сохраняя порядок демонстрации. Открытые призывы к политическим беспорядкам не высказывались, но ситуация казалась временной и могла продолжаться до тех пор, пока либо мнимая революция сверху, либо подлинная революция снизу не устранит растерянность членов Думы. Еще через неделю царь изъявил желание обсудить вопрос об одном из важных министерств и объявил о своем намерении прийти в Думу, чтобы сделать заявление по этому вопросу. В последний момент он передумал и 8 марта уехал в штаб войск, получив окончательные заверения министра внутренних дел, что для подавления возможного восстания в столице будут приняты все меры. В тот же день разразился «хлебный бунт», и забастовали более девяноста тысяч рабочих. К 9 марта беспорядки и забастовки стали еще более серьезными, их не могли подавить, потому что вызванные для восстановления порядка казаки стали брататься с рабочими. И все же пока еще никто не думал, что давно ожидаемая революция, о которой мечтали миллионы людей и ради которой пожертвовали своей жизнью тысячи, становилась наконец реальностью.

Бьюкенен, который не был склонен недооценивать опасность революции, в своих донесениях в Лондон стремился приуменьшать трудности. Он приводил высказывание советника посольства о том, что проблема разрастается, «как это происходило уже раньше», говорил об «огромных толпах людей» и о случаях «некоторого беспорядка, впрочем, несерьезного». Такой же была преобладающая точка зрения даже в революционных кругах, но сила уже «выплеснулась на улицы» в ожидании появления нового политического устройства.

Глава 2
Союзники и мартовская (Февральская) революция

Взбунтовавшиеся безымянные массы Петрограда совершили последний толчок, который предал трехсотлетнюю династию Романовых полному и неоплакиваемому забвению. В течение пяти дней на улицах столицы бурлил народ, пока 12 марта растущее неповиновение войск не переросло в настоящий мятеж, и то, что казалось серьезным восстанием, перешло в увенчавшуюся успехом революцию. Когда было уже слишком поздно, Родзянко отправил царю вторую отчаянную депешу – первую царь оставил без внимания, – умоляя немедленно принять какие-то меры: «Меры должны быть приняты незамедлительно, ибо завтра будет уже поздно. Пробил последний час, когда должна решиться судьба страны и династии». Прочтя депешу, Николай раздраженно заметил: «Этот толстопузый Родзянко снова написал мне полную чушь, на которую я даже отвечать не буду».

После 12 марта едва ли один человек поднялся на защиту старого режима, настолько он себя дискредитировал. Против взбунтовавшейся столицы были посланы войска, но они самовольно «демобилизовались» и присоединились к революции. Заразительная атмосфера товарищества и братства охватила шумную толпу, кипящую энтузиазмом. Классовые различия стирались и снова стали проявляться только после того, как прошло первое опьянение победой. Всех ораторов слушали с одинаковым жадным вниманием, были ли они самыми рьяными революционерами или консервативными националистами вроде Родзянко. Из тюрем были выпущены все заключенные без разбора, как политические, так и уголовники. Большого кровопролития не произошло, так как полиция оставалась преданной монархии. Обнаружив человека в полицейском мундире, хотя большинство полицейских благоразумно поспешили от них избавиться, толпа жестоко с ним расправлялась, но, принимая во внимание размах переворота, таких случаев было не так уж много.

События развивались столь стремительно, что не успевавшие реагировать на них Дума и царь значительно оторвались друг от друга и от революционных масс. К тому моменту, когда Николай наконец решил, что необходимо немедленно создать ответственное министерство во главе с Родзянко, думские лидеры также опоздали выполнить свой план по спасению монархии, для чего намеревались возвести на трон одного из великих князей. Оказавшись перед фактом массового дезертирства из армии, Николай II 15 марта отказался от трона в пользу своего двенадцатилетнего сына Алексея, назначив регентом своего брата, великого князя Михаила. Милюков возвестил об этой смене правителя собравшейся перед зданием Думы толпе и попытался пояснить смысл события, но ему не дали говорить, заглушив его криками. Позднее Николай передумал назначать наследником трона Алексея из-за его хронической болезни и в официальном манифесте об отречении возложил царствование на великого князя.

16 марта думский комитет пытался убедить Михаила согласиться на правление. Поскольку ни Милюков, ни Родзянко не могли гарантировать его личную безопасность, Михаил счел благоразумным отказаться от престола. Окончательно осознав полное крушение идеи конституционной монархии, думские лидеры продолжали лихорадочно искать какие-либо лозунги, посредством которых революцию можно было бы «дисциплинировать» и сделать ее порождением самой Думы. Французский посол, вызванный Родзянко для совета, сказал, что его прежде всего беспокоит вопрос войны и что необходимо как можно скорее восстановить порядок и свести к минимуму все последствия революции. Василий Шульгин, депутат-консерватор, выразил чувства своих коллег, когда предупредил, что «если мы не возьмем власть, ее возьмут другие… те, кто уже выбрал на фабриках каких-то него-

дяев». «Негодяи на фабриках», о которых он говорил, были представителями Советов рабочих и солдатских депутатов, уникальной формы революционной демократии, которая впервые заявила о себе во время революции 1905 года. Советы представляли собой местные образования, в состав которых входили депутаты, избранные из среды рабочих, крестьян и солдат. Поскольку Петроградский Совет располагался в самой столице, во время мартовской (Февральской) революции он обладал гораздо большим влиянием и властью, чем советы, находившиеся за ее пределами. Эти организации отражали действительное состояние народного мнения гораздо точнее, чем Временное правительство, которое приняло на себя руководство страной после отречения великого князя. Возник феномен «двойной власти» с непреодолимым противоречием интересов, представляемых законным правительством и фактически существующей властью Советов; это противоречие поначалу было не очень заметным, но постепенно все более обострялось, пока в ноябре большевики не сумели захватить власть.

Лидерами Думы было избрано Временное правительство. Оно возглавлялось князем Георгием Евгеньевичем Львовым, честным, но бесцветным кадетом правого крыла. То, что на этот пост был избран именно он вместо более ожидаемого по логике кандидата Родзянко, было результатом влияния Милюкова, чья личная непопулярность в народе помешала ему самому стать главой правительства. Милюков контролировал деятельность нового правительства, но сам удовлетворился портфелем министра иностранных дел. В целом кабинет контролировался кадетами и консервативными националистами (октябристами), единственное исключение составлял пост министра юстиции, который был отдан Александру Федоровичу Керенскому, юристу умеренных левых взглядов, вскоре ставшему главной фигурой правительства. Николай Чхеидзе, меньшевик, недавно избранный председателем Петроградского Совета, был рекомендован на пост руководителя Министерства труда, но отказался от него, подчиняясь резолюции Исполнительного комитета Совета, которая высказалась против участия во Временном правительстве. Керенский, который так же был членом Совета, отказался подчиниться резолюции и тем не менее сохранил твердое положение в обоих лагерях. Как выразился Ленин, правительство было сформировано из «десяти министров-капиталистов и Керенского в качестве заложника демократии».

Революционный переворот вызвал огромный интерес во всем мире. Из-за строгой царской цензуры мир узнал об эпохальном событии только через несколько дней. Эта новость стала еще более неожиданной и поразительной для заграничных обозревателей, чем для российских, потому что, несмотря на множество самых диких слухов и нескольких правдивых сообщений, проникнувших в иностранную прессу, ни мировая общественность, ни ее лидеры не были готовы к столь внезапному повороту событий. С самым горячим сочувствием приветствовали революцию, конечно, союзные державы. Однако Центральные государства также выражали оптимизм, предвидя ослабление участия России в войне, хотя и признавали огромный ущерб, нанесенный престижу идеи монархии. Союзники видели в демократической России, освободившейся от царской тирании, возрождавшуюся нацию, готовую к новым жертвоприношениям на войне, при этом совершенно забывая о причинах великого переворота.

Ясно, что революция не могла быть одинаково выгодной для обеих сторон. Прошло несколько недель, и неуверенные ожидания Центральных государств полностью осуществились, тогда как союзникам предстояло испытывать все больше разочарований до тех пор, пока заключенный годом позже в Брест-Литовске мирный договор не положил конец всем их надеждам на способность России оказать серьезную помощь в войне. Британия и Франция стали в значительной степени жертвами собственной пропаганды, которая представляла войну как борьбу за свободу против власти автократии. Присутствие царской России в демократическом лагере союзников было серьезной помехой в этой идеологической

войне, и было только естественно, что революция была встречена как удар, нанесенный по абсолютистской власти Гогенцоллернов и Габсбургов. Здесь они более всего подошли к правде, поскольку наступившее позднее крушение этих династий, вероятно, произошло не без помощи морального воздействия примера России.

Однако следует подчеркнуть, что военные представители союзников оценивали революцию более пессимистично. И хотя возможно, что такое отношение складывалось как в результате обычной настороженности военных по поводу любых изменений в статусе, так и исключительно стратегическими соображениями, по меньшей мере в данном случае они были гораздо меньше задеты политическими настроениями, чем гражданские.

Своевременность революции была особенно отмечена Соединенными Штатами, в то время как раз готовившимися к крестовому походу с целью «обезопасить мир для демократии». Хотя вряд ли Америка вступила в войну в результате свержения царизма, невозможно учесть влияние этого фактора в создании единодушного общественного мнения и в более эффективно проводимой пропаганде, обращенной к германскому населению. Почти все без исключения американские газеты и журналы приветствовали новую Россию и продолжали это делать еще долго после того, как в британскую и французскую прессу стали проникать критические замечания. Для бостонской «Транскрипт» революция была «кошмаром, вскормленным грудью либерального мира», тогда как далласская «Ньюс» выражала чувства нации, заметив, что революция «дает политическое и духовное единение союзу противников Германии, которого до сих пор недоставало по той причине, что демократия находилась в одной лиге с автократией».

В западноевропейской прессе проявилась отчетливая тенденция представлять революцию как антигерманский переворот, произведенный из патриотических целей под руководством Думы. Заголовок в лондонской «Таймс», зачастую воспринимаемой как полуофициальный орган министерства иностранных дел, приветствовал ее как «победу в военном движении», и редакторский комментарий пояснял, что «армия и народ объединились, чтобы свергнуть силы реакции, которые удушали народные стремления и связывали национальные силы». Однако уже 20 марта «Таймс» узнала о существовании Советов, членов которых она описала как «анархистов» и «демагогов», которые «проводят дикие митинги… терроризируют рабочих… и распространяют фальшивые и зловещие слухи с целью ослабить Временное правительство и отвлечь народ от войны». Британское либеральное еженедельное издание «Нейшн» большую часть своего номера от 24 марта посвятило революции и высмеивало прессу за ее «представление славного воскрешения России из мук и смерти актом обыкновенного шовинизма». Но затем великодушно признавало, что, «за исключением «Таймс», такое отношение к революции скорее было следствием неосведомленности, чем злобы. Тенденция, за которую «Нейшн» отчитало британскую прессу, столь же явственно выражалась и во Франции, где, в частности, «Птит репюблик» провозглашала «триумф либерализма» как начало решительной фазы в борьбе против «германского варварства». Один автор в «Ревю блю» утверждал, что революция произошла как «взрыв возмущения славянской души против ее внешних врагов и тех, кто пытался ее задушить внутри страны». В то же время от более либеральных газет поступало много теплых поздравлений. Разумеется, не обошлось без аналогий с Великой французской революцией 1789 года, а так же с революциями 1830 и 1848 годов. Но по мере того как все более очевидным становилось военное банкротство восточного союзника, из этих аналогий обычно делался вывод, что в противовес жалкому положению России Франция одна выстояла против всей Европы, защищая свою революцию, – весьма поверхностное сравнение двух ситуаций, которое не выдерживает тщательного изучения из-за совершенно разных условий.

Если принимать во внимание нетерпимость по отношению к режиму царской России, в прессе союзников проявлялось поразительно благосклонное отношение к Николаю II, кото-

рое не разделялось в Соединенных Штатах. Это было своего рода результатом представления о царе как о «маленьком отце», который столько времени удерживал в руках русское крестьянство. «Темп», французская коллега английской «Таймс», выражала свое огромное сочувствие императору. Его отречение от престола подавалось как великодушная жертва патриота, всеми силами желавшего избежать гражданской войны, а его свержение приписывалось дурным советам и махинациям злобной бюрократии, которая стремилась посеять рознь между царем и его народом. Пышный и довольно банальный манифест об отречении вызвал особенное восхищение в консервативных парижских газетах. «Можно ли представить себе язык более благородный и выразительный при всей его простоте, более искренний и патриотический?» – спрашивала «Галуаз», католическая газета с роялистским уклоном.

Послания от стран-союзниц дали новому режиму необходимую моральную поддержку, за которой быстро последовало официальное признание. Уже 17 марта лидеры Британской лейбористской партии направили поздравления Керенскому и Чхеидзе, выражая надежду, что они внушат Совету, «что любое ослабление военных усилий означает несчастье для товарищей в окопах и для нашей общей надежды на общественное возрождение». Такие же поздравления несколько позже принесли палата общин и премьер-министр. Весьма примечательно, что послание парламента было адресовано Думе, а не Временному правительству – ошибка, выразительно иллюстрирующая господствующее за границей представление, что Дума не только совершила революцию, но и взяла на себя функции правительства. Социалисты из французской палаты депутатов направили искреннюю, хотя и банальную телеграмму Совету, а три министра-социалиста из кабинета министров Франции поздравили Керенского. Министры предпочли поздравить именно его, а не правительство или Совет, по предложению Палеолога, который утверждал, что «только он способен заставить Советы понять необходимость продолжения войны и поддержания союза». Александр Рибо, 21 марта ставший новым премьер-министром Франции, засвидетельствовал свое уважение к революции в послании к Милюкову. Эти официальные поздравления не могли устранить неприятное впечатление, создавшееся в России от сделанных в своих парламентах Рибо и министром финансов Британии Бонаром Лоу заявлений, в которых они превозносили царя за его преданность делу союзников. Менее значительные страны-союзницы, как и множество неофициальных организаций всего мира, также откликнулись поздравительными посланиями. Среди них была Американская федерация труда, чьего президента Самуэля Гомперса убедили послать телеграмму на имя Чхеидзе. Она была отправлена по каналам Государственного департамента и, вероятно, затерялась, так что только в начале апреля была отправлена новая, более длинная телеграмма.

Соединенные Штаты, все еще сохраняющие нейтралитет, не принесли официальных поздравлений, но оказались первой страной, которая признала новое правительство, чем всегда очень гордился американский посол Фрэнсис. Он запросил необходимые полномочия 18 марта, и через два дня после консультации с президентом государственный секретарь Роберт Лэнсинг предоставил их послу.

Фрэнсис получил эту телеграмму 22 марта и незамедлительно известил Милюкова о благоприятном ответе. В тот же день посол, сопровождаемый полным штатом секретарей и атташе посольства и при всех регалиях, был принят Советом министров, где он в соответствии с протоколом известил Временное правительство о его официальном признании Соединенными Штатами.

В сравнении с послами стран-союзниц Фрэнсис вынужденно играл менее заметную роль в общественных и политических интригах Петрограда. Здание американского посольства было весьма скромным, и русское избранное общество считало его часто сменяющихся резидентов лишенными необходимого общественного лоска. Фрэнсис был типичным представителем американской средней буржуазии и вряд ли был способен изменить сложивше-

еся о нем мнение. Ходило множество анекдотов о его мещанстве, о смелой игре в покер, а самой его выдающейся чертой считалась непринужденность и точность, с какой он попадал плевком в плевательницу. Его биография была типичной историей «энергичного парня» из мира дельцов, который добился успеха на политической арене. Богатый банкир и зерноторговец из Сент-Луиса, Фрэнсис был мэром этого города в 1885 году, губернатором Миссури в 1889 году и членом кабинета министров при президенте Гровере Кливленде в 1896 году. Его назначение в марте 1916 года в русское посольство было результатом постоянной личной преданности демократической партии, а вовсе не наградой за исключительное знание российской ситуации или за выдающиеся дипломатические способности. Он был выше посредственности только в своем сверхразвитом «деловом чутье», что могло оказаться весьма полезным при выполнении данных ему инструкций по обсуждению нового торгового соглашения с Россией, если бы этому не помешала разразившаяся в начале 1917 года революция. Крушение автократии и вступление Америки в войну полностью соответствовали политическим симпатиям посла. В основном он разделял консервативные взгляды своих коллег, но ему недоставало опыта и знаний, на которых основывался их консерватизм. Один из его тогдашних знакомых заметил: «Старина Фрэнсис не в состоянии отличить левого социал-революционера от картошки». Один критик, менее знакомый с добродушием его характера, которое до какой-то степени компенсировало отсутствие у посла выдающихся умственных способностей, высказался еще более ядовито: «Посол Фрэнсис, один из несчастных политиков Миссури, главным образом примечательный своей непроницаемой скорлупой самодовольства, прошел через значительнейший за все столетие переворот без единой отметины на блестящей поверхности его ума». Не говоря уже о его ограниченных интеллектуальных способностях – а возможно, именно благодаря им, – Фрэнсис упорно отказывался увольнять «экономку» посольства, некую мадам Матильду де Крам, вызывавшую у офицеров британской и французской разведок сильнейшие подозрения в том, что она является германским агентом. В Вашингтон одно за другим шли многочисленные донесения о его неблагоразумии, в которых предлагалось отозвать его с поста, но Госдепартамент ограничился только личным предупреждением посла, очевидно не принимая все это всерьез.

Послам стран Антанты были даны полномочия признать новый режим еще до того, как Фрэнсис поднял этот вопрос перед Лэнсингом. 18 марта Милюков обратился по этому вопросу к Бьюкенену, и ему было сказано, что необходимо представить заявление, что Россия стремится восстановить дисциплину в армии и участвовать в войне до ее окончания. Милюков без колебаний подтвердил оба требования, но указал, что «экстремисты» его подозревают и что ему придется или согласиться на некоторые уступки, или уйти в отставку. Не желая терять лучшего друга Британии в кабинете министров России, Бьюкенен без колебаний посоветовал ему пойти на уступки. Но поскольку последующая отставка Милюкова сопровождалась самыми противоречивыми слухами, установить, в чем именно состояли эти уступки, оказалось невозможно.

Бьюкенен несколько дней был не здоров, поэтому только 24 марта он смог вместе с послами Франции и Италии появиться в Совете министров. Состоящая из советников посольств, а также военных и морских атташе в парадных мундирах, делегация производила весьма внушительное впечатление, по словам одного из ее членов, который присутствовал на официальной церемонии заявления о признании новой власти России. В отличие от официального приема Фрэнсиса во время церемонии произносились достаточно прочувствованные речи. Как дуайен (глава) дипломатического корпуса Бьюкенен начал свое выступление с подтверждения желания, которое уже выразил Милюкову, относительно продолжения участия России в войне. Поддержав Бьюкенена, итальянский посол приступил к утомительному чтению длиннейшего отчета о дебатах относительно России в итальянской палате депутатов. Отвечая со стороны русских, Милюков выразил ожидаемые от него чувства патрио-

тизма, выступая в поддержку незамедлительного продолжения войны. Он поклялся, что Россия будет сражаться до последней капли крови, по поводу чего военный атташе Британии задался в своем дневнике следующим вопросом: «Относительно Милюкова у меня нет ни малейших сомнений, но может ли он отвечать за всю Россию?»

Огромная признательность, которой пользовались в кругах Временного правительства Англия и Франция, способствовала увековечению в кругах роялистов и в германской пропаганде легенды о том, что ответственность за революцию падает на союзников. Даже Ленин, стоящий в крайнем левом ряду политического спектра, казалось, действовал под влиянием этого недоразумения. Поскольку все знали о монархических взглядах Палеолога, а влияние итальянского посла в любом случае было незначительно, эти открыто не выражавшиеся обвинения ограничивали круг подозреваемых и указывали прямо на Бьюкенена. Еще до революции он был известен дружескими отношениями со многими лидерами Думы, а для неосведомленных о реальной ситуации в России людей, особенно для консерваторов, было самим собой разумеющимся, что Дума и революция – одно и то же. Ему предъявлялось обвинение, что он поклялся отомстить царю, который во время их последней встречи не предложил ему сесть. Но самым фантастическим из слухов была история о том, что он якобы «посещал собрания революционеров, приклеив себе фальшивый нос и бороду». На самом деле английский посол – убежденный тори по взглядам – «приходил в ужас при одной мысли о возможной встрече с людьми, которых он считал революционерами», и с величашей неохотой согласился наконец на контакты с либералами только благодаря своему другу Гарольду Уильямсу, влиятельному британскому корреспонденту и большому авторитету по России, который подталкивал его к этому. Будучи неистовым патриотом, Бьюкенен с трудом уступил убеждениям, что лидеры Думы, особенно кадеты, предлагают единственную защиту против реакции и сепаратного мира. Крайне далекий от революционных идей, он делал все, что мог, для предотвращения революции; а когда это оказалось невозможным, поддерживал бесполезные попытки Думы как-то ее ограничить. Получив известие, что великий князь отклонил предложение стать новым правителем России, посол воскликнул: «Это уже конец! Российская армия не станет сражаться без императора, который ее вдохновляет». Под давлением левой прессы Милюкову пришлось неоднократно просить посла прекратить посещения родственников бывшего царя, и только под угрозой отзыва со своего поста Бьюкенен уступил этим просьбам.

Утверждение, что человек, занимающий положение Бьюкенена, мог иметь отношение к свержению династии, даже если бы он этого хотел, является полным абсурдом, но слухи обычно не подвергаются тщательному изучению. Их логическое продолжение можно найти в толках о том, что по его вине были сорваны переговоры о предоставлении царской семье убежища в Англии. Николай подписал в Пскове акт о своем отречении от престола и вернулся в Генеральный штаб армии. По требованию Совета он был доставлен в Царское Село и помещен там под арест вместе с остальными членами своей семьи. Главы военных миссий союзников обратились с просьбой, чтобы им разрешили сопровождать Николая, на что из ставки ответили, что это «нецелесообразно» и может задержать отправление царя, потому что сначала пришлось бы получить согласие правительства. Вполне возможно, что генералы Антанты имели в виду устроить его побег в Англию. Правительство, в противоположность гневным настроениям народа, сочувствовало семье Романовых и даже отказывалось признавать, что она находится под арестом. Николая просто «лишили свободы», было объяснено британскому послу, который по понятным причинам не мог оценить разницу в этих выражениях. Керенский во всеуслышание выразил свое нежелание стать «Маратом русской революции» и выразил намерение эскортировать семейство Романовых в Мурманск. Петроградский Совет ответил приказом железнодорожным рабочим, если потребуется, остановить царский поезд.

Тем временем Милюков запросил Бьюкенена, готово ли его правительство предоставить императорской семье убежище, и его просьба была немедленно передана в министерство иностранных дел в Лондоне. На следующий день военный кабинет обсудил этот вопрос, и было решено продлить срок действия приглашения, понимая, что семья не может покинуть страну во время войны. 23 марта Милюкова информировали о решении и дали обещание, что императорское семейство будет вполне обеспечено. Договорились о том, что в Мурманске его заберет британский крейсер. Через нейтрального посредника Германия представила обещание беспрепятственно пропустить корабль. Но Милюков умолял о сохранении тайны: стоило просочиться в прессу хоть одному намеку, что Временное правительство принимает участие в организации этого путешествия, как оно может быть свергнуто исключительно по политическим причинам. Немедленной отправке семьи помешала корь, разразившаяся в царской семье: один за другим заболели все пятеро детей, а правительство откладывало отъезд со дня на день в тщетной надежде на смягчение позиции Петроградского Совета.

Английский король Георг V, ближайший кузен отрекшегося правителя, направил ему дружеское послание, старательно избегая любых упоминаний о политике и о его возможном прибытии в Англию. Оно было передано через военного британского атташе при верховной ставке, поскольку полагали, что Николай все еще находится там, и наконец оказалось у Бьюкенена. Посол, не имевший доступ в Царское Село, попросил Милюкова передать послание Николаю. Тот согласился, но на следующий день (25 марта) передумал, опасаясь политической реакции, которая могла воспоследовать из-за неверного толкования содержания телеграммы. Ее доставка была «отложена», и, предположительно, телеграмма так и не была доставлена адресату. Вскоре посол получил из Лондона инструкции не принимать никаких дальнейших мер по этому делу. Именно из-за этого безобидного указания позднее роялистски настроенные комментаторы упрекали Бьюкенена в самоустранении – и таким образом «виновным по неисполнению обязательств» за последовавшее позднее убийство императорской семьи.

Решение проблемы, что делать с «гражданином Романовым» и его семьей, уже не зависело от посла, какими бы ни были его личные желания, и даже от позиции русского или британского правительств. Совет принял решение, что императорская семья должна остаться в России, был назначен специальный комитет, чьей задачей было следить за их содержанием, а в Царском Селе размещена охрана. Репутация павшего монарха в определенных кругах Англии была такой же низкой, как и в России. Возможно, еще ниже она была во Франции, где, по словам британского посла в России, бывшую императрицу считали «преступницей или преступной сумасшедшей, а бывшего императора – преступником из-за его слабости и повиновения ее воле». Посол Франции не скрывал своего удовлетворения, что план доставки императорской четы в Англию не осуществился.

Растущее волнение среди рабочих и в руководстве лейбористской партии заставило британское правительство пересмотреть свое приглашение. Предвидя в случае продолжения попыток спасти императорскую чету возможность политического взрыва как в России, так и в Англии, правительство Британии решило не форсировать этот вопрос. Вместо того чтобы прямо заявить об отказе, правительство искало предлоги, которые могли бы задержать отъезд царя до окончания войны. В апреле Бьюкенен получил телеграмму, в которой говорилось, что из-за неспокойной обстановки в Англии, которая может перерасти в забастовки на верфях и на военных заводах, в настоящее время было бы благоразумнее отменить все приготовления. Формулировки были дипломатичными – на приглашении уже «не настаивали», – но посол сразу понял, что, по существу, приглашение аннулировано. Вторая телеграмма, которая поступила к нему в июне, изложила этот вопрос еще более определенно, и Бьюкенен, который принял это почти как личный удар, сообщил печальную новость военному министру «со слезами на глазах».

При написании своих мемуаров Бьюкенен столкнулся с трудной задачей снять с себя обвинения в том, что он препятствовал побегу царя, и в то же время оправдать поведение своего правительства. С первой задачей он справился довольно легко, но вторая была решена лишь благодаря весьма сомнительному приему – заявлению, что «предложение оставалось открытым и не отзывалось», что было формальной отговоркой, уязвимость которой он слишком болезненно осознавал. Король Георг также был задет отказом царю со стороны правительства. «Эти проклятые политиканы! – говорил он позднее. – Если бы он был один из них, они действовали бы куда быстрее. Но только потому, что этот бедняга был царем…»

Король Георг ограничился этим кратким замечанием, хотя отлично понимал, что неприятная правда состоит в том, что дальнейшее существование свергнутого правителя всегда представляет неизбежную угрозу успеху революции. Его пребывание за границей может только увеличить опасность контрреволюции и вовлечь страну, предоставившую ему убежище, в непредвиденные дипломатические осложнения. Тот факт, что царской семье удалось прожить определенное время, во многом объясняется как пассивной позицией царя, так и сдерживающей тактикой Временного правительства. Он почти без возражений смирился со своей участью, и у него не было ни намерений, ни возможностей для интриг. В августе 1917 года царскую семью в глубокой тайне перевезли в отдаленный Тобольск, а в апреле 1918 года – на Урал, в Екатеринбург. Ее судьбу окончательно определила разразившаяся гражданская война. Когда к городу приблизились антибольшевистские войска, Уральский совет решил казнить пленников, чтобы их не смогли отбить белогвардейцы. Ночью 16 июля вся семья, включая семейного врача и трех слуг, была переведена в подвал здания, где они содержались. Им был торопливо зачитан приговор, после чего всех без дальнейших церемоний расстреляли. Тела были тщательно уничтожены. Пленение Романовых и их дальнейшая судьба вызывали мало интереса и сочувствия среди русского населения. Мученики царского абсолютизма по количеству намного превышали относительно небольшое количество приверженцев старого режима, которые были арестованы Временным правительством. Из Сибири были возвращены тысячи политических узников, и в Москве и в Петрограде их встречали с огромным энтузиазмом. Из-за границы также прибыли еще тысячи высланных и беженцев, особенно из стран Антанты. Новое правительство великодушно предоставило им возможность вернуться на родину. Российский поверенный в делах в Лондоне Константин Набоков оценивает субсидии, выделенные на эти цели, более чем в миллион долларов. Сумма в двести пятьдесят тысяч долларов, которую Набоков получил на нужды изгнанников как раз перед большевистской революцией, вскоре была конфискована британским правительством и не возвращена.

Большинство ссыльных были умеренными революционерами и поддерживали дело Антанты. После лет, проведенных за пределами России, многие европеизировались и растеряли свой революционный пыл, оставшись революционерами только теоретически. Типичными представителями этой группы, хотя и гораздо более известными, чем обычный эмигрант, были лидер правого крыла меньшевиков Плеханов и знаменитый анархист князь Петр Кропоткин. Оба прожили в Западной Европе много лет и без особых затруднений вернулись в Россию – красноречивое доказательство умеренности их взглядов. Условия военного времени делали путешествие на родину сложной проблемой, и для тех эмигрантов, которые были известны отсутствием патриотизма, препятствия становились почти непреодолимыми. В Западной Европе местом сосредоточения эмигрантов был Лондон, а поскольку британский военный флот контролировал морские пути, действовал выборочный запрет, чтобы помешать наиболее радикально настроенным эмигрантам возвратиться на родину этим путем. Однако наименее известные люди ухитрились проскользнуть, пока сеть не стала слишком частой, а некоторым беспрепятственно удалось получить разрешение вернуться – Временное правительство хлопотало за них, а Англия не могла отказать союзнику. Набоков телегра-

фировал в Россию о необходимости принять меры для воспрепятствования притоку большевиков. «Вы рубите сук, на котором сидите!» – предостерегал он. Этот совет оказался излишним. Милюков позаботился о том, чтобы информировать все российские посольства и представительства о том, что «в случае каких-либо сомнений относительно личности политического эмигранта… просим сформировать совместно с соответствующим отделом Министерства иностранных дел комитет, состоящий из представителей политических эмигрантов, чтобы прояснить все сомнения по этому поводу». Более поздняя телеграмма предупреждала, что «при выдаче паспортов эмигрантам вы должны руководствоваться доказательствами их благонадежности в отношении войны, предоставленными другими эмигрантами, которым можно доверять, или комитетами, созданными в соответствии с нашей телеграммой».

Среди наиболее значительных лиц, которым не удалось получить доступ в Россию, были Георгий Чичерин и Максим Литвинов, ставшие при советском режиме министрами иностранных дел. Чичерин был арестован в августе 1917 года под предлогом произнесения антивоенной речи и содержался в лондонской тюрьме, пока позже советское правительство не добилось его освобождения. Литвинову удалось остаться на свободе, и после падения Керенского его собирались депортировать в Россию, но большевики назначили его послом. Виктору Чернову, лидеру социал-революционной партии и настроенному «пораженчески», было разрешено вернуться, но не без опасений.

Эмигрантам же, оказавшимся в Соединенных Штатах, за редким исключением удавалось получить паспорт. Среди самых заметных эмигрантов, которые возвратились на родину – хотя американцы знали их не очень хорошо, – были Николай Бухарин, Михаил Бородин, Владимир Шатов, Александра Коллонтай и Лев Троцкий. Сотни других, чьи имена тогда были неизвестны и которые позднее, весной и летом, устремились в Россию, обычно прибывали через Тихий океан и далее следовали через Сибирь. Американское правительство не предпринимало никаких мер для прекращения отъезда эмигрантов, пока посол Фрэнсис не сообщил на родину о демонстрантах перед посольством, которые протестовали против заключения в тюрьму Александра Беркмана и Эммы Гольман, анархистов, которые были осуждены за агитацию против призыва в армию, и Томаса Муни, заключенного в тюрьму за предполагаемое участие в стрельбе во время военного парада, который проводился в июле 1916 года в Сан-Франциско. Фрэнсис ничего не знал об этих людях и обратился за разъяснениями в Госдепартамент. Он заключил, и возможно правильно, что лидерами этих демонстраций были эмигранты из Соединенных Штатов. И сделал еще один, на этот раз совершенно неверный вывод, что «прискорбные условия в России в основном сложились благодаря возвратившимся изгнанникам, большинство которых прибыли из Америки и среди которых самым опасным был Троцкий». Несколько раз Лэнсинг безуспешно пытался заставить Фрэнсиса ходатайствовать перед Временным правительством, чтобы оно запретило российскому консулу в Соединенных Штатах выдавать паспорта русским эмигрантам. «Политические агитаторы и опасные персоны, – убеждал он, – невероятно искажают настроения и намерения американского народа по отношению к войне». Но к тому времени, как Соединенные Штаты стали «угрозой» для эмигрантов из России, большинство из тех, кто желал вернуться на родину, уже сделали это.

«Самый опасный» из эмигрантов в Соединенные Штаты, Лев Троцкий, кому по заслугам и славе суждено было занять второе место после Ленина, был изгнан из Европы незадолго до революции. Будучи во Франции, он участвовал в издании небольшой ежедневной русской газеты, публикуемой для русских эмигрантов в Париже. Под предлогом того, что в российских войсках, восставших в Марселе, были найдены экземпляры этой газеты, она была закрыта, и Троцкого вынудили выехать в Испанию, откуда в начале 1917 года он уехал в Соединенные Штаты. Он обосновался в Нью-Йорке и с Булгариным и другими соотече-

ственниками помогал выпускать радикальную газету на русском языке «Новый мир». Со времени раскола с большевиками в 1903 году Троцкий вел непримиримую политическую борьбу с Лениным и обычно ассоциировался с меньшевистским крылом партии. Однако было бы более точно определить его как «троцкиста», хотя со временем этот термин приобрел совершенно иной смысл и до сих пор в России считается синонимом «предателя». Блестящий писатель и оратор, по своему темпераменту он был неспособен примирить свои взгляды с какой-либо программой, которую не сам изобрел, и с довольно скромным успехом постоянно пытался воспитать приверженцев собственных идей.

Сразу после революции Троцкий получил билет на норвежское судно и 27 марта отплыл вместе с женой и двумя сыновьями. В Галифаксе (Новая Шотландия) это судно захватил британский военный корабль, и все русские эмигранты, находившиеся на его борту, были с пристрастием допрошены, причем особый интерес проявлялся к их планам и политическим убеждениям. 5 апреля на борт норвежского судна поднялись британские офицеры во главе с капитаном и потребовали, чтобы Троцкий с семьей и еще пять революционеров покинули судно. Те отказались добровольно сойти на берег, хотя их уверяли, что в Галифаксе все будет выяснено, и тогда вооруженные моряки силой заставили их спуститься в ожидающий катер. Семья Троцкого была оставлена в Галифаксе, а остальных отправили поездом в Амхерст, лагерь для германских военнопленных. Начальник лагеря отказался отправить их телеграммы в Петроград и задержал отправку протеста Ллойд Джорджу. Троцкий снова доказал свои способности пламенного агитатора: его речи были настолько убедительными, что консервативно настроенные германские офицеры обратились с жалобой к британскому полковнику. Полковник занял сторону сторонников Гогенцоллернов и запретил Троцкому выступать с речами.

Когда известие об аресте Троцкого достигло Петрограда, оно вызвало усиление антибританской пропаганды в левой прессе, и без того возмущенной задержанием в Лондоне многих политических беженцев. Объяснение Бьюкенена, что это произошло из-за нехватки транспорта, только навлекло на него поток новых обвинений. Дополнительный предлог задержания, заключавшийся в том, что русские были интернированы, так как «ехали на субсидии германского посольства, чтобы свергнуть Временное правительство», также были встречены насмешками. Большевистская газета «Правда» объявила это «открытой, неслыханной и злобной клеветой на революционеров».

Широко распространенные антибританские настроения причиняли послу массу забот о судьбе британцев, которые владели промышленными предприятиями в Петрограде и чьей безопасности угрожали революционно настроенные рабочие, и, как всегда в трудную минуту, он обратился за помощью к Милюкову. Министр иностранных дел, разумеется, был в курсе истории в Галифаксе и потребовал разрешить заключенным проследовать в Россию. Но 10 апреля он передумал и попросил, чтобы их задержали до следующего распоряжения. Бьюкенен, который больше не желал, чтобы его правительство заставляли играть роль козла отпущения в отношении политики российского правительства, пригрозил предать гласности всю историю. Милюков успокоил его, пообещав сделать публичное заявление, в котором снимет с Британии всю вину. В конце концов Временное правительство было вынуждено проявить активность, и 29 апреля пленники были освобождены и доставлены на датское судно. Без дальнейших осложнений они прибыли 18 мая в Петроград. Троцкий немедленно приступил к сотрудничеству с большевиками и в июле официально вступил в партию. Не скоро он забыл свои злоключения. Среди капиталистических стран излюбленным объектом его нападок стала Англия – во всяком случае на некоторое время, – и каждое воскресенье его страстные речи, обличающие британский империализм, собирали огромные толпы народа.

Остальные главные революционеры, из которых самым выдающимся был Ленин, в момент революции жили в Швейцарии. Получить транзитную визу, позволяющую пере-

сечь территории стран Антанты, было невозможно, и в отчаянном стремлении оказаться в России изобретались и тут же отвергались самые немыслимые планы. В качестве последнего выхода были начаты переговоры с германским правительством при посредстве одного швейцарского социалиста и достигнута договоренность, что русские проедут по Германии в нейтральную Швецию в «опломбированном» вагоне, то есть как наделенные дипломатическим иммунитетом. Этой возможностью воспользовались около тридцати человек, в основном большевики, включая Ленина с женой, Григория Зиновьева и Карла Радека. Союзники пытались изыскать способ задержать эту группу с помощью шведских властей, но были вынуждены отказаться от плана как от неосуществимого и из опасения серьезно рассердить русских. Для германского Генштаба большевики были противниками врага Германии – российского правительства – и вследствие этого законным военным средством в борьбе за военное превосходство. Ленин понимал, что его политические противники не замедлят предъявить ему обвинение в «прогерманских» настроениях, но предпочел этот риск перспективе оказаться изолированным в Швейцарии. И все же вряд ли он предвидел ту широчайшую кампанию поношения, которая началась вскоре после его приезда. Утверждение, что Ленин и Троцкий являются агентами Германии, было очень распространено среди сторонников Керенского и особенно в странах Антанты. То, что известные большевики по пути в Россию пересекли враждебную Германию, стало «доказательством» их предательской деятельности только для тех, кто был уже в этом убежден по совершенно иной причине. Эта причина, хотя она никогда публично не признавалась, заключалась в непопулярной позиции, которую Ленин и Троцкий занимали по отношению к войне – то есть непопулярной у патриотов, которые горячо одобряли политику Временного правительства, не пользующуюся массовой поддержкой населения и поддерживаемой почти исключительно западными союзниками. Спустя месяц тем же путем, что и Ленин, в Россию проследовали около двухсот меньшевиков с их лидером Мартовым. Но поскольку они поддерживали Временное правительство, искренность их мотивов никогда не подвергалась сомнению.

16 апреля Ленина и его сторонников на Финляндском вокзале Петрограда приветствовали огромные толпы восторженных рабочих, солдат и матросов. По поручению Совета короткую приветственную речь произнес Чхеидзе, осторожно предположив, что Ленин присоединится «к революционной демократии… чтобы защитить нашу революцию от попыток свергнуть ее изнутри и извне». Спокойно проигнорировав эти намеки, Ленин повернулся к собравшимся и коротко сказал: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победоносную русскую революцию, приветствовать вас как авангард мирового пролетариата… Предательская империалистическая война является началом гражданской войны по всей Европе… Завтра, теперь уже в любой день, европейский империализм будет полностью уничтожен. Русская революция, которую вы совершили, означает начало его гибели и новой эпохи. Да здравствует мировая социалистическая революция!»

Послы союзников по понятным причинам были встревожены прибытием Ленина, хотя до этого ничего о нем не знали. Однако его взгляды показались им до такой степени странными, что поначалу они склонялись к тому, чтобы не принимать его во внимание как безвредного безумца. Бьюкенен говорил о Ленине как об «анархисте», а Фрэнсис телеграфировал в Вашингтон, что «крайний социалист или анархист по имени Ленин произносит жестокие речи и таким образом усиливает правительство; пока ему намеренно предоставляется возможность выступать, но в свое время он будет выслан». Для Палеолога, чей дневник демонстрирует доказательства внесения более поздних по времени исправлений, Ленин был «утопическим мечтателем и фанатиком, пророком и метафизиком, невосприимчивым к любым представлениям о невозможном, человеком, которому мало знакомы чувства справедливости или милосердия, жестоким маккиавельцем, выжившим из ума от тщеславия». Позднее

Бьюкенен жаловался Милюкову, что Россия никогда не выиграет войну, если Ленину будет позволено «агитировать солдат дезертировать, захватывать землю и убивать». Министр иностранных дел объяснял, что правительство выжидает психологического момента для ареста Ленина, который, как он думал, уже недалек.

Послу было от чего тревожиться. До приезда Ленина большевики бесцельно шумели, их позиция почти не отличалась от позиции меньшевиков и социал-реворюционеров (эсеров), которые поддерживали Временное правительство. Будучи в Швейцарии, Ленин определил правительство в самом мягком из своих выражений как «связанное по рукам и ногам англо-французским империалистическим капиталом». И уже с 16 апреля большевики под руководством одаренного вождя стали постоянно призывать к немедленному общему перемирию – призыв тем более эффективный, что выражал растущее стремление рабочих, солдат и крестьян положить конец кровопролитной войне. Министр иностранных дел, которого прозвали Милюков-Дарданелльский и Павел Дарданеллович, что отражало его представление о целях русских в войне в отношении проливов Босфор и Дарданеллы, принадлежавших Турции, на ощупь двигался от одного кризиса к другому, пребывая в ошибочном убеждении, что внешняя политика, принятая при царском режиме, достаточно хороша и для революции. Как вскоре станет ясно, он глубоко заблуждался.

Глава 3
Милюков и кризис внешней политики

В один из дней марта Керенский, с трудом пробравшись сквозь возбужденные толпы народа, неожиданно появился в помещении, где заседал думский комитет, с загадочным видом бросил на стол толстый сверток и, сказав: «Это наши тайные договоры с союзниками… спрячьте их!», так же драматично удалился. Не найдя ни ящика, ни стенного шкафа, члены комитета впопыхах запихнули сверток на время под стол. «Какая выразительная символика! – пишет бывший лидер социал-демократов Чернов. – Смешанные в кучу документы – наследство старой царской дипломатии, отягощенное просроченными векселями и теперь завещанное новой России, – в спешке были спрятаны под столом».

Политическое банкротство, которое доказали думские лидеры своей безуспешной попыткой направить революцию в «безопасное» русло, как выражался Чернов, нигде не проявилось так ясно и полно, как в области внешней политики. Родзянко олицетворял благодушный оптимизм, когда уверял полковника Альфреда Нокса, британского военного атташе, что революция не отразится на участии России в войне. «Россия – огромная страна и способна вынести одновременно и войну, и революцию», – заявил он обеспокоенному офицеру.

Союзники не стали терять время, и уже 18 марта главы их военных миссий направили командующим армиями различных фронтов телеграммы, призывающие подтвердить верность «священному союзу», созданному для обеспечения «триумфа принципов свободы». Полученные ответы были составлены в таких же громких, но ничего не значащих выражениях, но поданные под успокаивающим сиропом заверения позволили военным представителям Антанты убедить самих себя в прежней крепости и нерушимости союза.

В тот же день Палеолог позвонил в Министерство иностранных дел. Милюков объяснил ему, что министры стараются выработать декларацию о ведении войны, которая удовлетворяла бы и союзников, и Петроградский Совет, и что он надеется добиться принятия этой декларации в нужной формулировке. Палеолог раздраженно ответил, что ему нужна не надежда, а полная уверенность. Посол мог бы проявить больше вежливости, поскольку в России не было более преданного поборника дела союзников, чем сам министр иностранных дел. Однако следует заметить, что его мотивы были не совсем бескорыстными. Это становится очевидным из его ноты от 18 марта ко всем российским дипломатам в заграничных государствах, копии которой были направлены каждому из российских союзников (включая и Соединенные Штаты, которые в тот момент еще не вступили в войну). После краткого перечисления недавних российских событий следовало заявление, что правительство «не забудет о международных обязательствах, данных свергнутым режимом, и будет свято выполнять обещания России». Со своей же стороны Милюков попросил представить подобные гарантии союзников в отношении тайных договоров, и эти гарантии были незамедлительно представлены.

20 марта в печати появился манифест Временного правительства, тон которого был более сдержанным и осторожным, чем откровенное заявление Милюкова, и вызвал недовольство французского посла. Хотя правительство обещало «принять все меры для обеспечения армии всем необходимым, чтобы довести войну до победного конца» и «свято соблюдать все союзы, объединившие нас с другими странами, и все соглашения, совершенные в прошлом», Палеологу это показалось недостаточным, он немедленно прибыл в Министерство иностранных дел и в самых резких выражениях выразил свое возмущение. В душе Милюков целиком соглашался с раздраженным послом, но вынужден был смущенно оправдываться и пообещал исправить заявление при первой же возможности.

Петроградский Совет совершенно иначе воспринял действия Милюкова. 27 марта он объявил «народам мира» решение Совета «противостоять завоевательной политике их правящих классов» и призвал «народы Европы» «к согласованным и решительным действиям в пользу мира». Этот манифест был обращен, главным образом, к германскому пролетариату, который призывали превзойти русский пример и «прекратить служить инструментом завоевания и насилия в руках королей, землевладельцев и банкиров». За ним последовала энергичная редакторская статья в «Известиях», официальном органе Петроградского Совета, направленная против «тайной дипломатии» и «ядовитого тумана шовинизма», который исходит от буржуазной прессы. В России эти призывы встретили горячий отклик, но вряд ли их могли прочитать народы воюющих стран, к которым на деле они были адресованы. Не обращая внимания на дружные протесты, Милюков продолжал твердить о необходимости завладеть турецкими проливами, указывая своим слушателям на необходимость видеть отличительные черты разного типа империализма. Естественно, свое понимание империализма он подавал как самое благоразумное. Защищая проводимую им внешнюю политику скорее с точки зрения историка, чем члена кабинета министров, Милюков сказал, что «во всех своих заявлениях он всегда энергично подчеркивает мирные цели освободительной войны, но всегда представляет их в тесной связи с национальными проблемами и интересами России». Прозрачная маскировка «мирными целями» не могла затемнить смысл необходимости защищать «проблемы и интересы». Керенский рекомендовал ему «полностью изменить стиль всех наших дипломатических нот и заявлений». Но гораздо важнее было добиться серьезных изменений в международной политике. Милюков на это не соглашался. Его присутствие во Временном правительстве быстро становилось помехой, а вовсе не преимуществом.

2 апреля президент Вильсон обратился к специально собранной сессии конгресса Соединенных Штатов и призвал к войне с Германией, «этому естественному врагу свободы». Целый параграф его речи был посвящен «одобрению и поддержке событий, которые произошли в России за последние несколько недель». С необычным для него пылом он говорил об отталкивающем характере автократии, которая так долго «увенчивала вершину своей политической структуры». «Сейчас она поколеблена, – продолжал он, – и великий и благородный русский народ со всем своим простодушным величием и мощью присоединился к силам, которые по всему земному шару сражаются за свободу, за справедливость и за мир. Вот достойный партнер для Лиги чести». Через четыре дня Соединенные Штаты официально объявили о своем вступлении в войну, новость, которую русское правительство восприняло с благодарственными молебнами, видя в ней для России новый побудительный мотив продолжать участие в войне. В послании президенту Милюков воздавал должное ему за то, что тот направил «великую демократию нового мира» в сторону «справедливости… против… теократии и патерналистской автократии и агрессивного империализма». Российский министр иностранных дел воспользовался этим случаем и дал интервью прессе, в которое он искусно включил заявленные Вильсоном идеалы как цели войны, как будто это был его собственный уникальный вклад в усовершенствование мира. В то же время он соотнес выдвинутую большевиками формулу «мир без аннексий и контрибуций» с германской пропагандой и отверг «тупиковый мир, основанный на status quo». Он говорил так, как будто Босфор и Дарданеллы уже находятся под юрисдикцией России, а судьба Румынии и Армении почти определена: «Румыны будут присоединены к нашей Украине», а армяне, поскольку они не могут оставаться под оттоманским игом, «могут быть помещены под протекторат России».

В попытке успокоить возмущение снизу, поскольку народ стал задаваться вопросом, стоит ли продолжать войну на любых условиях, не говоря уже о тех, за которые агитировал Милюков, 9 апреля Временное правительство опубликовало призыв к поддержке идеи про-

должения войны. «Целью свободной России, – говорилось в нем, – является не господство над другими народами, не захват их национальных владений, не насильственная оккупация иностранных территорий, а достижение стабильного мира на основе самоопределения народов». Это звучало почти в унисон с заявлениями Страны Советов, но далее следовало самое главное: «Эти принципы станут основой внешней политики Временного правительства, которое преданно осуществляет волю народа и защиту прав нашей отчизны, в то же время полностью соблюдая все обязательства, взятые по отношению к нашим союзникам». Безусловно, это было намеком на тайные соглашения, хотя, как ни странно, Исполнительный комитет Петросовета одобрил это заявление перед тем, как допустить его опубликование. Милюков согласился с текстом только под давлением большинства коллег по правительству, да и то, скорее интерпретируя документы как призыв к гражданам. Если бы он был интерпретирован Советом как уступка их концепции требуемой внешней политики, Милюков «оставлял за собой право в случае, если эта уступка будет воспринята как односторонняя, трактовать ее со своей точки зрения и прояснить неопределенные термины в соответствии со своей прежней политикой, с политикой союзников и с национальными интересами России». Выражаясь с обычной для него излишней прямолинейностью, он и не пытался скрыть свою позицию от публики, в результате чего «произвел эффект разорвавшейся бомбы» и вызвал «взрыв ненависти к Милюкову в Петросовете», который, как признает Керенский, «обнажил всю глубину назревшего в правительстве нравственного кризиса, обострение взаимного недоверия, которое началось с самого первого дня революции». Однако самому Керенскому также недоставало прозорливости для верной оценки ситуации после этого инцидента, и он уверял Бьюкенена, что Советы умрут естественной смертью.

11 апреля в Петрограде открыл работу I Всероссийский съезд Советов, который доказал их жизнеспособность. После бесконечных дискуссий, во время которых представители всех фракций левого направления смогли выразить свои взгляды перед делегатами, была принята резолюция, поддерживающая «пораженческую» концепцию войны. Предложенная Ираклием Церетели, меньшевистским лидером Петроградского Совета, резолюция была принята 325 голосами против 57 при 20 воздержавшихся. В одном из ее пунктов говорилось о «сохранении боеспособности армии для активных действий», в которых на деле мало кто из солдат готов был принять участие. С момента революции дисциплина в войсках невероятно ослабла, и германцы заняли тактику «выжидания». На фронтах царило относительное затишье, стало привычным братание солдат из противостоящих лагерей, и армия скорее напоминала огромное дискуссионное общество, чем обученные дисциплинированные войска. Вновь стало расти дезертирство, и вскоре все поезда осаждались тысячами солдат, одержимых стремлением поскорее вернуться к земле, чтобы ее не успели без них экспроприировать и поделить. Генерал Нокс, который в апреле был повышен из полковников, и другие говорящие по-русски офицеры британской военной миссии пытались вести пропаганду среди солдат, которые находились как внутри, так и вокруг столицы. Их всегда принимали вежливо, но эффект был незначительный, поскольку, как откровенно признает Нокс, «то впечатление, которое мы могли произвести, тут же сводилось на нет следующим агитатором». Короче, русскому солдату и русскому человеку война встала уже поперек горла. Любая попытка заставить их продолжать войну была обречена на провал и вызывала только еще большее недоверие к тем, кто стоял за эту политику. То, что Ленин и большевики с их политической проницательностью сумели увидеть главное и очевидное и начали проводить кампанию за выход России из войны, скорее является результатом некомпетентности буржуазных руководителей страны, чем верой в мистическое откровение марксистского учения, которое помогало профессиональным революционерам.

Поддерживая идею оборонительной войны, Петроградский Совет продолжал агитировать за демократический мир «без аннексий и контрибуций» и выступал за «свободное разви-

тие всех народов». Александр Рибо, премьер-министр и министр иностранных дел Франции, отнесся к намерениям российского правительства с огромным подозрением и телеграфировал в Лондон и в Рим, чтобы заручиться поддержкой своего предложения направить строгую ноту с требованием положить конец уклончивому поведению союзника в вопросе войны. Премьер-министр Италии выразил согласие, но британцы предложили дать возможность членам миссии социалистов-союзников, которая недавно прибыла в Петроград, сначала попробовать убедить своих русских товарищей-социалистов занять более решительную позицию в защиту войны.

Эта миссия прибыла в Петроград 13 апреля с целью рассеяния, по словам премьер-министра Франции, «экстравагантной мечты, которая охватила умы русских революционеров». Францию представляли Марсель Качен, Эрнест Лафонт и Мариус Муте, все члены социалистического крыла палаты депутатов. Качен позднее стал одним из лидеров коммунистов Франции. Их присутствие в России было своего рода парадоксом. Как заметил в своем дневнике Палеолог, «за последние двадцать пять лет социалистическая партия не упускала случая критиковать франко-российский союз. А теперь мы видим, как три депутата от социалистов приехали его защищать – от России!». Французы выбрали момент для своего приезда вскоре после того, как произошла революция, и, когда известие об их прибытии достигло Лондона, Артуру Хендерсону, лейбористу, члену Особого военного кабинета, было поручено составить соответствующую британскую делегацию. В нее вошли: Уилл Торн, Джеймс ОТреди и Уильям Сандерс, все выдающиеся члены лейбористской партии. Двое первых, кроме того, состояли членами парламента, тогда как Сандерс был лидером кабинета министров Фабиана. В русской прессе появились многочисленные выпады в адрес миссии, отчасти в результате телеграммы, которую Британская независимая лейбористская партия, НЛП (настроенная против войны) отправила в Россию, заявляя, что делегаты миссии являются оплачиваемыми правительством эмиссарами, а не представителями британских рабочих. Генри Хиндман, лидер Британской социалистической партии, телеграфировал Керенскому с некоторым пылом, чтобы «самым решительным образом отвергнуть лживое заявление НЛП». Филипп Сноуден, лидер НЛП, дважды очень сурово критиковал миссию в палате общин, утверждая, что ее посылает «правительство, чтобы она проводила политику правительства». Другой член НЛП язвительно поинтересовался, не считает ли правительство нужным «пригласить представителей свободной России приехать и рассмотреть деятельность правительства Ирландии».

15 апреля 1917 года делегация была принята в Петроградском Совете, где собравшиеся вежливо, но холодно выслушали изложенные ею взгляды. Даже самые умеренные революционеры считали приехавших «агентами англо-французского капитала и империализма» и подвергли такому ожесточенному перекрестному допросу, что Качен, желая расположить к себе аудиторию и «разрядить обстановку», предложил решить вопрос о возврате Эльзаса и Лотарингии – потерянных Францией в результате Франко-прусской войны 1870 года – путем плебисцита. Палеолог недовольно отреагировал на предложение, за что получил упрек от Милюкова. Он спросил посла, как можно от него ожидать сопротивления требованиям экстремистов, когда французские социалисты сами отказываются от борьбы.

18 марта делегация была принята членами Временного правительства, которые отнеслись к ней более благожелательно. Представляя своих английских коллег, Сандерс в привычных выражениях говорил об общей борьбе, в которой «демократическая Англия идет рука об руку с демократической Францией, Россией и Америкой». Муте вторил ему в том же стиле и духе. В ответной речи Милюков заявил, что «свободная Россия» стала «в два раза сильнее». «Мы с точностью можем сказать, – продолжал он, – что Временное правительство удвоит усилия, чтобы сокрушить германский милитаризм». Керенский, чья необыкновенная высокопарность, казалось, в таких случаях особенно расцветала, долго распространялся о

демократической природе войны и простодушно закончил: «Мы надеемся, что вы окажете… такое же решительное влияние в вашей стране, какое мы в России оказываем на буржуазные классы, которые уже отказались от своих империалистических амбиций».

На следующий день делегация посетила заседание Исполкома Петроградского Совета и довольно долго общалась с его членами. Большевик Александр Шляпников отвечал приехавшим довольно резкой критикой, считая их представителями буржуазии, а не рабочих. Французов обвиняли в колониальной политике, проводимой в Африке, а англичан – в их владении Индией и Ирландией – это были уязвимые моменты, которые вынуждали делегатов оправдываться. После нескольких подобных бесплодных стычек в Петрограде миссия перебралась в Москву, затем посетила линию фронта, где с помощью переводчика ее члены множество раз произносили патриотические речи. Когда они появились в Московском Совете, их подвергли новому пристрастному допросу. Формулу Советов «мир без аннексий и контрибуций» они объявили слишком туманной и отчасти противоречивой. Когда член Совета выразил свое недовольство тайными договорами, особенно относительно Константинополя, один из британских делегатов шутливо заметил: «Если вам не нужен Константинополь, черт с ним! Мы возьмем его себе!» Присутствующий при этом корреспондент вспоминает, каким гробовым молчанием была встречена эта реплика, за чем последовало холодное прощание, и социалисты стран-союзниц ретировались. Другой обозреватель – без сомнения, радикал – утверждает, что британские лейбористы подвели итог своей оценки положения в следующем выражении: «Господи, если это демократия, то такая демократия в нашей стране нам не нужна!»

Следом за социалистической депутацией в Россию отправился со вторым визитом Альбер Тома. Он прибыл в Петроград 22 апреля в сопровождении внушительной свиты офицеров и секретарей, имея при себе письмо Рибо, отзывающее французского посла из России. Отзыв Палеолога уже некоторое время не подлежал сомнению, поэтому он спокойно принял это известие и пообещал преемнику всестороннюю помощь. 25 апреля Тома имел длительную беседу с Керенским, и оба согласились в том, что необходимо провести пересмотр целей войны. Как и ожидалось, Палеолог решительно этому воспротивился. В присутствии британского и итальянского послов он заявил Тома, что Керенский «имеет в виду уверенную и решительную победу Советов, что означает полную волю разнузданной черни, развал армии, разрыв национальных связей и конец Российского государства». Палеолог был настолько убежден в безрассудности каких-либо уступок власти Советов, что телеграммой от 26 апреля предостерегал Рибо от любых послаблений в отношении соглашений, заключенных с царской Россией. Раздраженный деятельностью посла, который уже выходил за рамки своих полномочий, Тома на следующий день тоже отправил телеграмму, в которой объяснял ситуацию с противоположной точки зрения и предложил себя в качестве третейского судьи между правительством и Петросоветом, чтобы достичь временного разрешения проблемы.

Тем временем Милюков подвергался все усиливающейся критике со стороны левой прессы. Его жалобы Палеологу на отношение Тома и его товарищей-социалистов были частыми, но бесплодными. Министр иностранных дел ни на йоту не желал сдвинуться со своих прежних позиций. Полеты его фантазии были настолько далеки от реальности, что он со всей серьезностью рассматривал возможность высадки российского десанта в Константинополе и в проливах и буквально накануне своего падения целиком погрузился в разработку плана этой операции вместе со ставкой. 22 апреля, будучи с коротким визитом в Москве, он дал интервью корреспонденту манчестерской газеты «Гардиан» и горячо говорил о будущей политике России по отношению к проливу Дарданеллы. Соглашаясь предоставить право свободной торговли через проливы, заявил он, Россия должна «настаивать на праве закрыть проливы для прохода военных кораблей», что вряд ли возможно осуще-

ствить, если только «она не захватит и не укрепит проливы». Когда его спросили, не думает ли он, что Соединенные Штаты выступят против такого урегулирования, он утверждал, что в речах Вильсона не содержится никаких принципиальных возражений против захвата Россией Константинополя в соответствии с соглашением, уже заключенным по этому вопросу. Представитель Совета тут же ответил, что «российская демократия не имеет ничего общего с целями, о которых заявляет Милюков».

Через три дня после интервью Милюкова съезд Советов обновил свою позицию в отношении целей демократической войны. Несмотря на неоднократно выражаемое решение защитить революцию от внешней агрессии, резолюция тактично советовала правительству придерживаться своего заявления от 9 апреля и настаивала на обсуждении с Англией и Францией проблемы мира «на основе братства и равенства свободных народов». «Официальное заявление правительств о своем отказе от всех завоевательских идей, – говорилось в ней, – будет самым мощным способом привести войну к окончанию на этих условиях».

В тот же вечер Керенский сообщил в прессу, что правительство рассматривает вопрос направления союзникам ноты, информирующей их о новых целях России в войне, которые сформулированы в манифесте от 9 апреля. На следующее утро газеты вышли с информацией, будто эта нота уже направляется, и, когда Милюков, который ничего не знал о неожиданном решении Керенского, увидел эту статью, он с возмущением потребовал официального опровержения. Керенский признал справедливость его требования, потому что вопрос не был согласован с министром, которого он прежде всего касался. Опровержение было опубликовано на следующий же день и немедленно «вызвало настоящую бурю протестов». Петроградский Совет потребовал от правительства направить союзникам манифест от 9 апреля, в противном случае угрожал отказаться от поддержки предстоящего «свободного займа». Остальные члены кабинета поддержали это требование, и Милюкову ничего не оставалось, как согласиться с ними. Однако он обусловил свое согласие требованием одновременно с текстом манифеста направить союзникам «разъяснительную» ноту. Все министры, включая Керенского, самого непримиримого противника Милюкова в кабинете министров, провели ночь за составлением этого документа. Они стремились следовать принципам, изложенным Альбером Тома. «Я знаю моих социалистов, – сказал он послам стран-союзниц. – Они будут отчаянно драться за формулировку. Вы должны принять ее и изменить ее интерпретацию». Но получившийся в результате документ доказывал весьма ограниченную способность послов последовать столь хитрому совету, хотя впоследствии Милюков обвинял Тома за пресловутую фразу о «гарантиях и санкциях».

Утром 1 мая тщательно отредактированное заявление от имени министра иностранных дел России было разослано в столицы стран-союзниц. Хотя потом Керенский утверждал, что «содержание ноты должно было удовлетворить самых ярых критиков милюковского империализма», ее высокопарная фразеология лишь слегка прикрывала смысл, который она намеревалась передать. Весьма фальшиво она утверждала, что «воодушевление всего народа довести мировую войну до решительной победы становится все более мощным», и подтверждала долг России «соблюдать обязательства, принятые на себя по отношению к союзникам». Нота заканчивалась словами: «Ведущие демократии, вдохновленные таким же стремлением, найдут способ получить эти аннексии и контрибуции, которые необходимы для предотвращения кровопролитных конфликтов в будущем».

Только после того, как нота была отправлена за границу, она вышла в печати в России. Вся без исключения левая пресса приняла ее с возмущением. Центральный комитет большевиков призвал к захвату власти Советами и повторил свое предыдущее заявление, что Временное правительство является полностью империалистическим и «связано по рукам и ногам франко-британским и русским капиталами». Исполком Петроградского Совета провел специальное заседание, которое затянулось почти до утра 3 мая в бесплодных попытках

принять определенный курс действий. После полудня члены Совета снова собрались, но представители народа, которые рассматривали ноту как намеренную провокацию, не соглашались на дальнейшие уступки. В полдень к Мариинскому дворцу, где располагалось Временное правительство, подошел маршем Финляндский полк со знаменами, с требованиями отставки Милюкова и с различными антиимпериалистическими и антиправительственными лозунгами. Вскоре к ним присоединились рабочие заводов и фабрик, матросы и остальные полки гарнизона, так что количество вооруженных демонстрантов, по некоторым оценкам, достигало двадцати пяти – тридцати тысяч. Министров во дворце не было, а перепуганные служащие временного штата по телефону призывали на помощь. Генерал Лавр Корнилов, командующий военным округом Петрограда, предложил остановить демонстрацию с помощью армейских частей, не понимая, что в любом случае он столкнулся бы с явным неповиновением. На авансцене событий появились советские лидеры и быстро убедили солдат разойтись; большинство из них мирно вернулись в свои казармы. Остальные присоединились к гражданскому населению, кучками собираясь на перекрестках, ожесточенно споря друг с другом и слушая разных агитаторов. Ораторы из большевиков сумели вызвать еще большее возмущение, обращая его на правительство в целом, тогда как кадетские агитаторы вели контратаку против Ленина, утверждая, что он является германским агентом, который пытается сбросить патриотически настроенного Милюкова. Такое объяснение усвоил и американский посол, когда сообщал своему правительству: «Эта оппозиция раздувается Лениным и его сторонниками, которые, как я думаю, подогреваются и, возможно, даже оплачиваются Германией». На самом деле Ленин пытался сдержать самых ревностных партийных рабочих. Позже он резко критиковал их за преждевременный призыв к свержению правительства, поскольку пока еще большевики были слишком слабы для таких стремительных действий.

Вечером собралось пленарное заседание Петроградского Совета. Преобладающим настроением его членов была непримиримая враждебность по отношению к правительству, и все, что умеренно настроенным делегатом удалось сделать, это успокоить толпу и отвлечь ее от популярного предложения одного из большевистских ораторов немедленно захватить власть. Сразу после совещания члены Исполнительного комитета направились в Мариинский дворец чтобы проконсультироваться с министрами правительства. Последние видели страну на краю неизбежной катастрофы и заявили, что это побуждает каждого человека доброй воли забыть о мелких разногласиях, подобных формулировкам нот и деклараций, и сплотиться ради защиты отчизны и революции. Львов почти угрожал сложить с себя полномочия и предложил передать руководство правительством членам Петроградского Совета, если они считают, что справятся лучше его, отлично зная, что советские лидеры стремятся избегнуть какой-либо ответственности за власть. По вопросу о внешней политике Исполком проявил твердость. Чернов критиковал поведение министра иностранных дел и предложил перевести его в Министерство образования. Церетели настаивал на отправке новой ноты. Милюков ни на что не соглашался. Американский посол уже устно предупредил его, что неустойчивое правительство не может рассчитывать на помощь со стороны Соединенных Штатов. Но в качестве самого убедительного свидетельства того, что союзники настроены в пользу «надежного правительства» (то есть с Милюковым в качестве министра иностранных дел), он показал Чхеидзе письмо, полученное от Рибо, в котором тот указывал, что Франция не намерена отрекаться от своих целей в войне и что, хотя она симпатизирует революции, если Россия не будет постоянно поддерживать союзников, Франция не станет оказывать ей экономическую поддержку. Председатель Совета не испугался угрозы, и в конце концов было выработано компромиссное решение, согласно которому правительство согласилось «объяснить» некоторые двусмысленные пункты первоначального текста ноты.

Тем временем в народе вновь разгорелись волнения, с той лишь разницей, что на этот раз демонстрации в защиту правительства проводили кадеты, стремясь противодействовать настроениям рабочих и солдат, настроенных против Милюкова. Между обеими группами происходили отдельные стычки, но серьезных уличных боев не было. Вскоре после десяти вечера около Мариинского дворца собралась огромная толпа сторонников Милюкова. В ответ на настойчивые требования демонстрантов министр иностранных дел оставил заседание с советскими лидерами и с балкона обратился к толпе с речью. «Видя эти плакаты «Долой Милюкова!», – сказал он, – я боюсь не за Милюкова – я боюсь за Россию!» Затем он ясно обрисовал свою политику по отношению ко всей стране и в заключение краткой речи подчеркнул решимость правительства не предавать своих союзников подписанием сепаратного мира.

Волнения, происходившие 3 мая, оказались прологом к беспорядкам 4 мая. Узнав о проведенной накануне демонстрации в защиту правительства, из всех рабочих районов стекались люди, чтобы пройти маршем в центр столицы, и даже увещевания специальной делегации от Петроградского Совета во главе с Чхеидзе не смогли убедить их отказаться от цели. Во время схваток со сторонниками правительства использовалось оружие, из близлежащих домов раздавались выстрелы неизвестных, за которые каждая сторона обвиняла другую, в результате погибли несколько человек и было много раненых. Перед зданиями посольств союзников собрались меньшие по численности группы. С помощью переводчика Бьюкенен трижды выступал с балкона своего посольства. Ему удалось успокоить наиболее буйных демонстрантов, хотя во время одной из его речей между враждебными группировками разгорелась всеобщая драка. Генерал Корнилов приказал отправить к площади, на которой стоял дворец, войска и артиллерию. Вместо выполнения приказа солдаты обратились за инструкциями к Петроградскому Совету, и, узнав о возражениях этого органа, Корнилов отозвал свой приказ. Тогда Исполнительный комитет, желая избегнуть гражданской войны, выпустил декрет, запрещающий выход на улицы войсковых подразделений без разрешения по меньшей мере двух членов комитета. К досаде Корнилова, эта мера немедленно восстановила порядок. Он открыто признавался в своем желании уничтожить этих «революционных подонков». Возмущенный беспомощностью правительства и не в силах перенести такое оскорбление своему авторитету, вскоре после этого генерал отказался от своего поста и был переведен на Юго-Западный фронт.

Вечером Исполком Петросовета принял 39 голосами против 19 резолюцию, рекомендующую всем членам согласиться с объяснением правительственной ноты, представленным Милюковым. В числе 19 голосовавших против были представители мелких фракций, а также большевики и меньшевики-интернационалисты (антивоенная левая фракция партии). В резолюции заявлялось, что «горячие протесты солдат и рабочих Петрограда уже *(sic)* показали Временному правительству и народам мира, что революционная демократия России никогда не согласится на возвращение царской внешней политики и что она работает и будет работать ради мира во всем мире». Объяснение правительства, уверяла она Совет, «означает конец возможному интерпретированию ноты от 1 мая в духе чуждом требованиям и интересам революционной демократии». Действительно ли объяснение правительства было составлено с этим намерением или нет, во всяком случае, опубликованное на следующий день заявление правительства было лишено двусмысленности его предыдущих заявлений. В нем утверждалось, что самая спорная фраза в ноте Милюкова относительно «гарантий и санкций» на самом деле означала «ограничение вооружения, международный трибунал etc.». Другой сомнительный пункт – о «решительной победе» над врагом – был объяснен необходимостью процитировать декларацию от 9 апреля, чтобы подтвердить чистоту мотивов правительства в его желании достичь победы. Новое заявление заканчивалось обещанием, что «вышеуказанное объяснение будет передано Министерством иностранных дел

дипломатическим представителям союзников». Но в архивах не найдено подтверждения, что эта часть сделки была выполнена. Не желая посылать союзникам другую ноту, считая это «шагом, который угрожает стране серьезными последствиями», Львов заявил, что весь кабинет министров готов уйти в отставку, и был поддержан Милюковым. Последний весьма преждевременно признался одному американскому корреспонденту: «Правительство добилось огромной победы. Наша политика остается неизменной. Мы не пошли ни на какие уступки».

Конец ознакомительного фрагмента.